

ТЕОРИЯ

ВЫИГРЫША

Светлана Чехонадская

16+

Светлана Чехонадская

Теория выигрыша

«Автор»

2019

Чехонадская С. А.

Теория выигрыша / С. А. Чехонадская — «Автор», 2019

К московской журналистке попала информация о секретных лекциях по теории выигрыша. Тот, кто их прослушает, сразу же становится успешным и богатым. Лекции стоят огромных денег, но рассказывать об их содержании нельзя, иначе ты умрешь. Журналистка уверена, что это мошенничество. Она решает написать статью о теории выигрыша. К чему это приведет? И почему одни люди становятся успешными, а другие – нет? Психологический триллер и семейная сага об умении мечтать и вере в чудо.

© Чехонадская С. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1	5
2	9
3	16
4	20
5	24
6	28
7	32
8	38
9	42
10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Чехонадская

Теория выигрыша

1

17 января 2008 года сотрудник Физического института имени П. Н. Лебедева РАН доктор физических наук Сергей Викторович Бершадский получил весьма необычное задание. Его попросили прокомментировать некую теорию, позволяющую мгновенно добиться успеха в любых областях человеческой деятельности.

Существование подобной теории не показалось Сергею Викторовичу странным: в последнее время он видел столько шарлатанов, что перестал удивляться любым теориям, пусть даже самым экстравагантным. Случалось, их авторы для пушей убедительности опирались на физику, а точнее, на то, что сами считали физикой.

Сергея Викторовича изумил заказчик: им был представитель Федеральной службы безопасности. Он не скрывал, что это именно заказ ФСБ, он показал свое удостоверение, хотя оплату научной рецензии оформил не от имени этой организации, а от «ИП Сорокина». Это был высокий, крепкий, еще молодой мужчина, и то, что он из органов, было написано у него на лбу.

Стоя перед заказчиком в директорском кабинете, Бершадский пошутил на тему ФСБ и мистики, мол, в каком чине у вас обычно маги, но тот на шутку не отреагировал. Было видно, что тема ему скучна, и он закрывает этим заказом какую-то давно решенную проблему с давно известным финалом.

Нельзя сказать, что Бершадский вообще не верил в теории успеха – в то, что человека можно научить поведению, приводящему к удачам в делах или любви. В молодости он прочитал немало книг на эту тему. Больше всего ему понравились две: "Думай и богатей" Наполеона Хилла и "Дао Винни-Пуха" Бенджамена Хоффа. Он нашел в них много забавных советов и хорошее понимание человеческой психологии. Кроме того, ему показалось, что эти книги учат не столько добиваться успеха, сколько любить жизнь во всех ее проявлениях и, следовательно, любую ситуацию воспринимать как успех.

С физическими или математическими обоснованиями фортуны он тоже сталкивался не раз, но не очень интересовался этой темой, хотя знал тех, кто интересуется очень. Был у него двоюродный брат – математик и, как это теперь принято говорить, лудоман. Вот тот сильно увлекался, прежде чем проиграть в казино и машину, и квартиру, и семью, и свободу. Теория вероятностей, мартингейл, система Томаса Дональда, ее модификация в виде Дональда-Натансона, "биарриц", "канселейшн"... вся жизнь утекла в унитаз, а листочки со схемами, полями, цифрами до сих пор валялись у Бершадского на даче. Сергей Викторович ни разу их и не прочитал внимательно – ему всегда было скучно это нелепое и бездоказательное любительство.

Пока отношения поддерживались и случались мирные летние вечера на террасе, брат любил рассказывать, что само слово «азарт» идет от арабского «азаара» – апельсинового цветка, который арабы выжигали на первых игральные костях. Это не случайно, горячился брат, брызгая слюной и разбрасывая свои листочки, ведь удачу можно предугадать по еле уловимому аромату апельсинов.

Он тараторил глаза и раздувал ноздри – показывал, как надо внюхиваться – он сокрушался, что еще не овладел нюхом, потому и довольствуется убожеством научного подхода. Если на террасе присутствовала жена брата, она ненавистно стискивала челюсти, и всем становилось ужасно неловко при виде этой умирающей семьи. Он же ничего не замечал, упоенный мечтой: я разовью, разовью нюх на удачу, не сомневайтесь!

Бедный сумасшедший парфюмер, теперь он дышит смрадным воздухом колонии. Вот зловонное опровержение всех его систем. Бершадский никогда не верил, что к удаче может привести что-либо, кроме каменной задницы и хитрого манипулирования людьми. Но удача в такой трактовке не благоухала апельсинами, а воняла потом. Именно поэтому он был к ней равнодушен. И он никогда не считал бы полученное задание интересным, если бы не ФСБ. До сегодняшнего дня Сергей Викторович и не предполагал, что Федеральная служба безопасности может заниматься такой ерундой.

Или не ерундой?

Тем же вечером заинтригованный Бершадский засел за работу.

Бумаги, представленные на рецензию, показались ему на удивление неглупыми. В них высказывались смелые догадки о природе времени и причинно-следственной связи. Конечно, в научных вопросах автор теории рассуждал как дилетант, но он был, если можно так выразиться, поэтом. С поэтической точки зрения его теория выглядела стройной и соблазнительной.

Очень мешало отсутствие информации об авторе. Когда он жил? У кого заимствовал свои рассуждения о физике? Некоторые его доводы выглядели древними, так уже не аргументируют, другие были выстроены в соответствии с нормами последних лет. В конце концов, можно было попасть впросак, и Бершадский полез в интернет.

Однако никакой информации в интернете Бершадский не нашел. Теорий успеха было много, но вот теорий в сочетании с фамилией автора не было. Встречались только случайные совпадения, не имеющие никакого отношения к его бумагам. Это показалось ему очень странным, он уже привык, что сеть – кладбище как раз таких околонуточных идей. И молчание сети смутило логичный мозг Бершадского – по своей природе он жаждал объяснения любой нелогичности. На всякий случай он сходил по всем ссылкам, в том числе и в блоги.

Так он обнаружил одну-единственную фразу в Живом Журнале, которая и пролила свет на странное молчание виртуального мира. Эта фраза ошеломила его, но Сергей Викторович взял себя в руки – именно потому, что был человеком логичным. Листы, принесенные на рецензию, были заполнены разными почерками: видимо, это были донесения «агентов». Бершадский посчитал почерки, их получилось семнадцать, к ним надо было приплюсовать и заказчика, заполнявшего ведомость и указавшего в ней суть заказа. Даже если семнадцать человек умерли, заказчик был жив.

Впрочем, жив ли заказчик, предстояло выяснить на следующий день.

Утром Бершадский дописал свою рецензию и отнес ее директору института – как и было договорено.

Директор немного смутился, принимая пластиковую папку с листами бумаги

– Ерундой маются, правда? А мы еще удивляемся, что террористы спокойно доезжают до Москвы и взрывают здесь, что хотят.

– Это точно.

– И что за теория? Очередное мракобесие?

– Поэтическая сказка, – улыбнулся Бершадский. – Вроде «Конька-Горбунка».

– Наш народ это любит... Сказки, я имею в виду...

– Само по себе это не так уж плохо, – после некоторого колебания сказал Бершадский. – Излишняя серьезность в делах тоже, бывает, вредна. Винсент Роацци называл успех «глупым».

Директор засмеялся.

– У нас с вами, Сергей Викторович, получился классический синхронизм Юнга. Я буквально за минуту до вашего прихода читал декабрьский «Нью Сайентист». Ребята из Школы бизнеса при Стэнфордском университете опубликовали данные о том, что психопаты – более удачливые инвесторы, чем обычные люди. Вывод подтвержден Университетом Карнеги-Меллона. Вот вам и «глупость» успеха.

– Кстати, в этой теории есть размышления о природе предвидений, – оживился Бершадский. – Или, как Юнг говорил, о «синхронизмах». Я даже грешным делом вспомнил моего родственника, я вам о нем рассказывал, бедолаге, он все любил повторять, что удачу можно предугадать по апельсиновому запаху.

– Во как! – изумился директор. – Оригинально!

Пока они разговаривали, пришел заказчик – живой и невредимый. Получив папку, он некоторое время листал ее, недовольно сопя. Потом вздохнул, протянул им по очереди руку для прощания. Уже уходя, в дверях обернулся и спросил серьезно:

– Вы не боялись, Сергей Викторович?

– Чего? Чего боялся? – всполошился директор, а Бершадский стоял молча – глядел на заказчика в упор.

– Нет, – сказал, наконец, – Ведь это как бы изображение дракона, а не сам дракон.

– Хитро! – засмеялся заказчик. – А самого дракона бы испугались? Кстати, я вас подлювил, уж не обессудьте. В интернет лазили?

Бершадский рассердился: вот уж, воистину, горбатого могила исправит. Эту организацию, как ни назови, вечно она будет всех "поддавливать".

– С вашей стороны не очень порядочно было не сообщить мне о главном, – сказал он.

– О главном? – деланно удивился заказчик. – Но что считать главным? Вы тут пишете об исследованиях, проводившихся Дэвидом Бомом в восьмидесятые годы двадцатого столетия. А ведь эта теория была известна еще в фашистской Германии.

«Как чувствовал! – мысленно ахнул Бершадский. – Надо было поосторожнее с конкретикой».

– Лучше, если бы вы не скрывали историю вопроса, – надменно сказал он вслух.

– При чем здесь история? Мне нужно было независимое заключение... А то любят нашего брата обвинять в предвзятости. А сами-то?.. М-да, вот так вот... Ну, бывайте, господа ученые...

– Какой апломб! – сказал Бершадский, когда заказчик вышел. – Наши органы всегда умеют находить безопасные поляны для самоутверждения. Ничего не меняется, вы совершенно правы: то они гоняют бедных лимоновцев, то крышуют бизнес, то вот в магию полезли. Против настоящих террористов у них кишка тонка.

Тот испуганно кивнул: заказ был какой-то непонятный и неприятный.

Заказчик же между тем спустился вниз. Он отметил пропуск на вахте, протиснулся в вертушку, пошел к автомобильной стоянке, скрипя ботинками и выдыхая облака пара – день был морозный. Некоторое время заказчик искал по карманам ключи от «Хонды» – и даже на какую-то секунду встревожился – но, наконец, нашел их. Открывал машину он, оглядываясь по сторонам. Видимо, это была бессознательная привычка. Сел в машину и, закрыв дверь, набрал на мобильном номер.

– Я взял заключение физиков, – сказал он.

– Это все-таки лишнее, – с небольшим раздражением заметил собеседник.

– Вы его не знаете. Он очень подозрительный.

– И что?

– А то, что нас должна интересовать только его теория. Поэтому мы собрали огромную папку бумаг, включающую мнение физиков.

– И что они там написали?

– Чушь собачью. Да это неважно.

– Рецензия за твой счет, Володя.

– За мой, за мой... И что вы в самом деле: на кону миллионы, а вы копейки считаете?

– Порядок есть порядок.

– Ладно. Легенда укомплектована полностью. Можно начинать реальную часть.

– Да, я понимаю... – в голосе собеседника появились нотки тревоги.

– Решайте, кто из пяти.

Сказав эти слова, он закрыл глаза и откинул голову назад. Он старался дышать спокойно, но было видно, что он волнуется, ожидая ответа.

– Я тут посмотрел, Володя, – после паузы сказал собеседник. – Настоящая кандидатура все-таки одна...

– Нет, напишет любой из них.

– Ты уверен?

– Да. Я умею убеждать.

Заказчик улыбался с закрытыми глазами.

– ...Пойми меня правильно, но четверо что-то получили. А наше обвинение состоит в том, что он самозванец. У нас должны быть основания для такого обвинения. Ты же сам говоришь, что он подозрительный.

Заказчик открыл глаза, потянулся и весело поторопил.

– Кто из пяти?

И собеседник ответил:

– Лидия.

2

В конце шестидесятых годов мать Лидии приехала в Москву из маленького дагестанского городка, затерянного среди бескрайних пастбищ в нескольких часах пути от Каспийского моря.

Городок был низкий, лишь четыре здания здесь были многоэтажными, все четыре – казенные: трехэтажная распашонка администрации с крылом, отведенным милиции, четырехэтажная больница с голубятней на крыше, правление автобазы с двух этажах с пристройкой и пятиэтажное здание детского дома. Все остальные дома были частные и одноэтажные, разнящиеся только материалом, из которого сделаны. Дома победнее – глинобитные, дома побогаче – из белого силикатного кирпича. При тех и других – обязательные голубые ворота с затейливыми завитушками наверху.

В частных дворах городка шуршали сады, на улицах была только пыль да трава. К середине мая трава выгорала. Леса вокруг городка не росли, во все стороны расстилалось ровное пространство пастбищ, над которым гудели ветры и неспешно кружили ястребы. Каждый высокий год хрустящими рядами шла по степи саранча, еще не вставшая на крыло. Она проходила городок без задержек, торопясь на жирные земли Ставрополя. Надо думать, саранча не находила в городке никакой прелести. В молодости мать Лидии была с саранчой согласна.

Красота степи, конечно, на любителя, но все-таки с возрастом у человека, в отличие от саранчи, появляется некое подобие нежности по отношению к такому пейзажу: низкому горизонту, волне ветра, бегущей по ржавым травам, стеклянным столбам зноя и громаде облаков, занимающих почти все, что видит глаз. Лидия мать, постарев, стала часто думать о своем городке и даже скучала по степи, вспоминая, как вечерами тянуло оттуда пахучей прохладой.

Она слышала, что с тех пор городок сильно изменился. Пустыня подошла вплотную, и теперь чтобы открыть голубые ворота на улицу, горожане каждое утро отгребают лопатами нанесенные за ночь пески. В последние годы на пастбищах развелось слишком много скота, земля оголяется, а регулярные посадки хилых деревьев исчезают за ночь самым таинственным образом. То ли их уносит ветер, то ли съедает скот. Надо бы уменьшить стада, дать отрасти жилистой упрямой траве, но жители городка не очень верят в законы природы, как раньше не очень верили в советскую власть.

Законы в городке всегда были свои. Даже при коммунистах у всех мужчин в подвалах имелись склады оружия, а зарабатывали в те годы не разведением скота, а контрабандой черной икры и осетрины. Пустыня была далеко, пастбища зеленели круглый год, из всех подвалов радостно и сытно пахло оружейной смазкой, а из некоторых – нежно и землисто – икрой.

Икра – дело дорогое, но зажиточных в городке было мало. Человек, которого не поддерживал знатный род, не имел в городке никаких шансов. Бедность была лютая, о какой в остальной России и не слыхивали, но и отношение к бедности было не русским: тот, кто здесь был беден, считал свое положение печальным, но неизменяемым. Скажем так: ни отзвуки Великой французской, ни громы Великой русской революции досюда не докатились, даром что при Сталине половина людей, населявших городок и окрестности, была насильственно переселена в Казахстан.

Бывают на свете печальные места. И словно мало им пустынь: по ним еще обязательно бродят распри. Никогда не понять, какого черта здесь не только селятся, а еще и за них воюют. И вроде прямого интереса нет, но смотри-ка: то банда из Чечни пробежала, мимоходом поубивав почти сотню жителей, то преследующая банду бронетехника вспорола дышащие на ладан пастбища, а то и ракета какая-нибудь упала, превратив в месиво целые стада. Так ведь и Афганистан: ну кому может понадобиться этот безжизненный пыльный пейзаж? Нет, дубасят друг друга столетиями. Единственное, что может восстановить хоть какую-то логику – это обнару-

жение лет через триста в этих местах чего-то такого, что будет ценней всего на свете, подобно тому как нефть в итоге придала логику завоеванию холодной и никому не нужной Сибири.

Но через триста лет будет через триста лет. Чтобы жить в таких местах сейчас, нужно иметь мусульманский фатализм. Это было не про Лидину маму.

Фактически она из городка сбежала – русским там приходилось трудно, а мама еще и была светловолосой миловидной сиротой. Слишком многие хотели ей покровительствовать, но мама была гордая. Она считала, что проживет без покровителей, к тому же ей не очень нравилось раздавать поцелуи без любви.

Лидина мама Вероника Ивановна была типичной представительницей так называемого поколения победителей со всеми плюсами и минусами победительного характера. Рожденная в начале сороковых, она с молоком матери впитала убежденность, что человек способен даже на невозможное. Конечно, «молоко матери» – это так, словесная фигура, не было ни матери, ни молока, что-то давали сиротское в бутылочке – но зато марши в ушах звучали бравурные, да и чудовищные последствия войны, докатившейся до Кавказа, где она воспитывалась, лишний раз подтверждали: и не такую гадину может раздавить человек, обладающий истинной жадой победы.

В первые послевоенные годы их отвезли в Кисловодск в санаторий. Половина дворцов, казавшихся детдомовцам вратами рая, была еще не восстановлена, гиды показывали им залы, где фашисты держали скот. Это представлялось особенным зверством: в таких залах – и скот. Это кем надо быть, чтобы не пощадить резные решетки арок, да вот эти завитки поверх колонн, да сами колонны, дивно стоящие посреди парков, ничего не поддерживающие, поставленные просто так – от изобильности? То, чему не знаешь названия, чего не опишешь никакими словами, но что сияет сквозным блеском, лучезарно исходит золотым свечением, что не камень, не дерево, не природа, не искусство – а чистая красота. Платоновская, сказали бы мы с вами, отметив лишний раз, как умели древние греки по-детски радостно объяснять и описывать мир.

Стилей в Кисловодске было намешано, конечно, слишком, но сироты из маленького дагестанского городка в стилях и не разбирались. Была просто сказка – тысяча и одна ночь – и все это пытались разрушить. Но не удалось фашистам проклятым. Сильны они были, но мы сильнее.

Там в Кисловодске Вероника Ивановна (бывшая еще, разумеется, не Ивановной и даже не Вероникой, а Веркой) сильно заболела. Обпилась нарзаном, расстроила себе живот так, что, казалось, не вода уже лилась из нее: это жизнь уходила в виде воды, прозрачной, как слеза. Антибиотиков в Кисловодске не было, стала Верка синенькая, металась, кусая обметанные жаром губы. Но выкарабкалась. Уж очень не хотелось покидать мир, в котором есть такая архитектура, пусть и полуразрушенная фашистами.

Тут появляется искушение предположить, что поколение победителей стало победительным не от бравурных маршей в радиоточке, а оттого что другие – не победительные – дети просто-напросто не выжили в голодные годы войны. Остались самые цепкие, и марши тут ни при чем. Вполне возможно.

...Отпущенная из детдома на все четыре степные стороны, она прошла со своей сумочкой по двору, миновала чахлый абрикос и вступила в тень огромных грецких орехов, важно роняющих недозревшие плоды. Тут она остановилась на секунду, чтобы поднять зеленый шершавый шарик. Она прекрасно знала, что пальцы теперь покроются несмываемой коричневой краской, но ей хотелось знаков прощания и хотелось отвлечься от тоски. Она подошла к воротам, открыла их, вдохнула пыль полуденной улицы, сделала два шага наружу и сразу же получила два предложения стать второй женой.

Первое показалось ей шутливым. Пятидесятилетний заведующий автобазой (он иногда давал детдому грузовик для перевозки бидонов с молоком) коснулся ее локтя и как бы мимоходом, глядя вбок, пробормотал, что первая жена будет только рада. «Примет как дочку, она

уже старая, сыновей мало» и так далее. Она весело посмотрела на него и уже начала смеяться из уважения к его несмешной шутке, когда почувствовала, что и второй руки кто-то коснулся.

Этот был молодой. Сын милицейского начальника: красивый, с золотым зубом. Она слышала, что его женили в шестнадцать лет на пятнадцатилетней девушке, обещанной ему еще в пятилетнем возрасте. «Поживешь у моих родителей, – бормотал он. – Как султанша будешь...».

Она выдернула обе руки и резко шагнула вперед, так что оба соискателя остались друг напротив друга.

Перед Веркиными глазами расстилалась пыльная пустая дорога. Белое солнце стояло в зените, и Веркина тень прижалась к ее ногам, как маленькая пугливая собачонка. Ночевать им с тенью было негде, детский дом Верка покинула в результате большой громовой ссоры с заведующей и вернуться теперь можно было только через многократное «Простите, пожалуйста». Такие слова Верка говорить не умела. Да и прежде чем захлопнуть дверь, она успела выкрикнуть: «Не пропаду, сука старая!», на что заведующая расхохоталась и крикнула в ответ: «Приползешь на коленях!». Можно подивиться, конечно, как это взрослая женщина, член партии, между прочим, тягалась характером с маленькой сиротой, но у заведующей были свои истории – они останутся за пределами нашего рассказа, но уж поверьте на слово: истории еще те – а характер у Верки был тяжелый. Это не извиняет заведующую, но и монстра из нее делать не надо. Она была уверена, что Верка вернется, и даже прислушивалась у себя в кабинете к уличным шумам.

Собственно, Верка вышла из возраста детдомовца. Теперь государство обязано было выдать ей собственную жилплощадь. Это и в остальной России было сложным процессом, а уж здесь – в маленьком дагестанском городке, где государственной жилплощади сроду не водилось... Скажем так, в удачный исход верилось с большим трудом. Все выпускники детдома оставались в нем жить, имелись уже и свои старожилы. Марина Понедельникова, например, ждала государственной жилплощади пятнадцатый год. Она давно уже отучилась в пединституте, устроилась в детдоме учительницей математики. Здесь и жила. Остальные поступали точно так же. В смысле кадров детский дом был на полном самообеспечении.

Бывших детдомовцев селили на пятом этаже. Сначала они там помещались, но постепенно заняли и четвертый этаж, для чего нынешних детдомовцев пришлось немного уплотнить. Заведующая втайне надеялась, что чем дальше от войны, тем меньше станет сирот, в итоге в детдоме останутся только бывшие, кому некуда податься. Но не тут-то было. Детей все везли и везли. К моменту ссоры заведующей с Веркой нынешние детдомовцы занимали только первый и второй этаж, причем жили по сорок человек в комнате. Из-за этого, собственно, и произошла ссора. Склонная к отстаиванию прав Верка стала требовать перевести себе наверх, а заведующая сказала: «Я тебя вообще не должна здесь держать. Могу выгнать на все четыре стороны. Так что не рыпайся». «Ах та-ак?!». Ну и пошло-поехало.

... Заведующая прислушивалась, сердце у нее ныло. Уж больно Верка была занозистая, такой бы занозистой внешность попроще – сбить спесь...

Увы.

Для маленького дагестанского городка Верка была воплощением женской красоты – гурией, выражаясь по-местному – и сама она об этом знала. Рост у нее был выше среднего, тело белое, рыхлое, явно склонное к полноте, но еще не полное, а просто мягкое. Бедра, прямо скажем, уже широкие, а талия тоненькая: тронешь – переломится. Целлюлита имелось в избытке, но о нем тогда и не слышали. Тогда это был жирок, он подсвечивал кожу таинственным теплым светом, и в голом виде Верка была похожа на вытянутый персик особого сорта, который рос только в соседнем Майкопе и о котором в остальной России даже не подозревали. Волосы у Верки были истинно белые, и как истинно белые они были жидковаты. Их нужно было мыть каждый день, зато вымытые они становились дыбом и окружали Веркину голову

солнечным нимбом. Глаза у нее были большие, ярко-голубые и имели несколько глупое выражение: именно такое выражение и называлось в данном регионе «газельным».

...Верка оглянулась и посмотрела ярко-голубыми глазами на претендентов. Они так и стояли на месте, никуда не уходили. И начальник автобазы, и сын милицейского начальника прекрасно понимали, что податься ей некуда. Собственно, они и пришли к этим воротам именно потому, что родственник обоим сторож детдома успел сбегать и к автобазе, и в крыло местного отделения милиции, чтобы скороговоркой пересказать ссору Верки с заведующей. О том у него было попрошено еще полгода назад, когда Верка слишком явно налилась соками.

Заметно это стало, как ни странно, зимой – лютой и ветреной степной зимой, когда детдомовки натянули для тепла колючие шерстяные юбки и плотные рейтузы, напялили бесформенные пальто на ватине, да еще и повязали серые платки, отчего стали похожи на мешки с мукой. Начальник автобазы стоял во дворе детдома, прячась от ветра за стену. Он был одет в волчью доху, но и его пробирало насквозь. Он пришел взять деньги за машину и теперь был недоволен, что во дворе имеется также и милиционер. Деньги были левые, заведующая обычно расплачивалась из кармана в карман. И хотя милиционер был молоденький и пришел он сюда только чтобы приструнить Самшита-хулигана, но все-таки он был милиционер и, главное, сын большого милицейского начальника, которому шли отчисления от любой коммерческой деятельности, совершаемой в городке. Сын мог донести папе, а значит, начальнику автобазы пришлось бы раскрыть и этот свой источник дохода. Короче, он стоял за стеной и хмурился, а мальчишка-милиционер поглядывал в его сторону, нагло улыбаясь. Серые мешки катились мимо них к крыльцу, непонятно было даже, мальчики или девочки внутри этих жалких коконов. Все мешки закатились внутрь детдома, а один – отставший – заторопился от ворот, горбясь навстречу ветру...

Две пары черных глаз уставились на него. Мешок не просто катился – катясь, он колыхался, как остывший армянский хаш. Его словно сотрясали сладкие судороги. Это были движения, нестерпимые для иных сердец. Даже сквозь буран и ватин было четко видно, что там, в жаркой глубине мешка, колыхнется женское тело. Оно живет своей жизнью, и его движения никак не сочетаются с неуклюжими движениями обледеневшей колючей кожуры. О, оно движется так: волнами и еще зыбко трепещет напоследок. Оно движется поперек импульса, у него своя логика.

И оно распространяет вокруг себя сильный запах абрикосов.

Тем зимним вечером сторож получил двойное вознаграждение, которое честно отработал полгода спустя.

Надо признаться, что такой исход детдомовских историй считался здесь вполне легитимным. Были у него и плюсы: он не давал детдому лопнуть от перенаселенности. Каждую третью девушку забирали второй женой, а наиболее красивые мусульманки брались и в качестве первой.

...Подумав с минуту о кое-чем своем, Верка выбрала начальника автобазы. Она подошла к нему и сверкнула исподлобья голубым взглядом, который только неопытный и редко выезжающий за пределы своего края дагестанец мог принять за взгляд газели. От счастья он оторопел.

Молодой соискатель мрачно изумился. Он был почти уверен в своей победе, ведь он был такой крепкий, такой мускулистый, да и папа у него был все-таки главнее начальника автобазы. Милиционер негромко выругался, и золотой зуб в глубине его рта блеснул каким-то тусклым, почти медным светом. Но ничего не поделаешь, все честно.

Верка и начальник автобазы побрели к дому.

Солнце уже преодолело половину пути и теперь клонилось в степь. Тени выползли из укрытий, посинели. Тихо было на улице, только в самом ее конце, в тупичке, где стоял большой дом начальника автобазы, что-то ныло, пело и переливалось звуками, слегка похожими на женские похоронные выкрики.

Чем ближе они подходили к дому, тем слышнее становилось нытье.

Верка и начальник базы вошли в сад, прошли по дорожкам, густо засыпанным тутовыми ягодами, и остановились у входа на застекленную веранду. Нытье немедленно прекратилось, в саду установилась глубокая тишина, которую сверлили золотые сверла ос.

«Моя жена – уважаемый женчин, – медленно, густо и нарочито громко произнес начальник автобазы. – Она уже немолодой, ей трудно. Ты будешь ей помогать. Ты ей как дочь. Она очень главный!»

На веранде пошептались, после чего нытье продолжилось.

Верка вошла внутрь, с любопытством огляделась.

Первое, что бросалось в глаза любому входящему сюда, были ковры. Они усыпали веранду, как опавшие листья. Ковры лежали везде и не по одному, а по два и по три – друг на друге. Конечно, это были не старые пыльные ковры ручной работы, а чистенькие и синтетические – советские. Стены тоже были нарядными: все незастекленные промежутки веранды покрывали плюшевые ткани таких сумасшедших расцветок, что их узоры зыбило.

Женщины рода собрались в доме. Они сидели на полу и раскачивались, монотонно причитая. Все они были в платках и только одна – простоволосая. Эта простоволосая даже была слегка растрепана и даже периодически дергала себя за волосы, чтобы ее растрепанность усилилась. Женщина была наполовину седая.

«Жена, – снисходительно подумала Верка. – Но почему они все собрались? Похороны что ли?»

Как это ни удивительно, встречали именно ее – Верку. Родственник жены – тот самый сторож детдома – уже успел обежать всех других ее родственников, и теперь они сидели и жалели первую жену. Этого требовали приличия.

Не прекращая ныть, женщины поглядывали в Веркину сторону. Она не заметила в их глазах никаких чувств, кроме любопытства. Пожалуй, лишь простоволосая была немного огорчена или раздосадована. Выкрикнув еще несколько раз, она тяжело поднялась на ноги и пошла вглубь дома.

Верка присела на ковры и стала есть копченый миндаль, наваленный горками прямо на коврах.

Жена вернулась с чайником и пиалами.

«Помогай!» – приказал начальник автобазы и пихнул Верку в плечо.

Голубые глаза потемнели, как небо в грозу, но у Верки были свои планы. Вылетать отсюда в первые же минуты в эти планы не входило.

Она взяла у жены чайник, обнесла ноющих пиалами, даже послушно налила в эти пиалы чаю, после чего присела и снова принялась за миндаль. Жена ей что-то сказала, но Верка сделала вид, что по-ихнему не понимает. Она прекрасно знала, что ни одна дагестанка в городке не говорит по-русски, и значит пока хозяин вышел, можно будет валять дурочку.

«Помой казан, помой казан» – бормотала жена.

«Кого хороните-то?» – добродушно отвечала Верка.

(«Сама мой свой казан, ишачка черножопая» – думала она при этом).

Начальник тем временем ушел на базу, где уже собрались на сабантуй его сослуживцы, оповещенные все тем же сторожем детдома. Сам сторож побежал к председателю исполкома – того следовало сразу же информировать обо всех важных событиях в жизни городка.

Сторож-скароход, словно попавший в городок из сказок о Шахерезаде, тем вечером успел проинформировать всех. Новость была сообщена даже инспектору рыбнадзора, приехавшему из Калмыкии за икорной данью. Тот был человек передовой, русский, поэтому скривился и произнес: «У вас тут Средние века».

«Зачем так говоришь, дорогой? – разводя руками, бормотал начальник милиции. – Не надо средние века, зачем средние века? Кушай дорогой, пусть твои сыновья будут здоровыми».

Перевязанный шпагатом сверток истекал ярко-оранжевым осетровым жиром, инспектор брезгливо вытер руку о предложенное ему крайне грязное полотенце и пошел к своей машине, повторяя: «Дикари черномазы».

О новости не была проинформирована только заведующая детским домом. Ее скороход собирался посетить в последнюю очередь. Она была дама непредсказуемая, и все мужчины городка ее слегка побаивались. Кроме того, похищение во время ссоры все-таки выглядело немного сомнительным, заведующая могла заартачиться и заявить, что для ее совести такие выкрутасы вредны. Так что скороход бегал по городу, иногда оповещая людей и по второму разу, потом он вышел в степь и стал сидеть там, куря анашу и наблюдая за невиданно красным закатом.

Через два часа солнце почти ушло за горизонт.

В степи начиналась темная жизнь, на подмостки ночи вышли стрекочущие твари. Неведомые, таинственные, иногда даже светящиеся зеленоватым светом, они наполнили блюдо степи чем-то горьким, дымным, с хрустящей корочкой. Треск стоял над степью. Над треском догорал небесный огонь.

Одурманенный скороход сидел на корточках и втягивал носом то горький запах полыни, то сладкий запах анаши. Несмотря на туман в голове, несмотря также на оглушительный треск цикад и кузнечиков, скороход прекрасно слышал все звуки городка. Они даже были преувеличенными в его гулких грезах.

...Вот закончился сабантуй на базе: ушла в степь сладкая душа барашка, стукнули косточки о собачью миску, зарычали псы.

...Чавканье.

...Пьяное бахвальство директора магазина. Он снова рассказывает, как в Москве познакомился с начальницей, и она пригласила его переночевать в своей квартире на Красной площади, напротив Мавзолея.

...Женский плач. Сын начальника милиции, как обычно, бьет свою жену.

...«Мы шли под грохот бараранов! Мы трам-та-та-рам-та в груди! С веселым другом барараном! С огнем большевистским в груди!»

Это кружок пения в детдоме. Готовятся к первому сентября.

«Барараном?» – вяло удивляется скороход и на секунду выныривает из забытья. Все его чувства дремлют, только слух не спит.

Шепот стоит над городком, он заглушает даже три городских радиоприемника...

Три? – выныривает скороход, да, три. У начальника базы радиоприемник работает тоже. В радиоприемнике говорят по-русски.

«Новая жена начальника базы слушает радио» – сквозь забытье бормочет скороход, но он уже слышит тяжелые шаги хозяина дома. ...Перед домом выбоина в земле...

...Начальник базы охает и ругается по-русски.

...Хлопает калитка.

...Радио смолкает.

Сладкие облака анаши несут скорохода на небо. Легконогий, как бог язычников, он бежит над маковой поляной... Сколько прошло времени?

Скороход открывает глаза. Перед ним тьма. Она даже темнее и гуще, чем тьма в его голове. Скороход поднимает голову и видит дырявое небо. Сквозь прорехи неба горит нестерпимым белым светом мусульманский рай.

Теперь можно встать, походить немного, разминая затекшие ноги, а затем нести повинную голову в детдом, к заведующей. Теперь она может кричать и даже грозиться.

«Илена Иванесовна, такой народ, такой народ, – скажет ей скороход. – Звери! Вы правильно говорите, Илена Иванесовна, звери! Дикие, тьфу! Но, Илена Иванесовна, может быть, уже не надо ругаться? Зачем шум? Все уже, не надо... Свадьбу уже сыграли, спят уже...»...

Сторож-сороход бежит обратно в городок. На секунду ему чудится какой-то странный, какой-то не свойственный городку звук – он даже останавливается в изумлении... Прислушивается...

Звук явно идет из дома начальника автобазы...

Ну, там разные этой ночью звуки могут издаваться, начальник автобазы – джигит крепкий, еще в соку. И вот такие звуки, и вот эдакие – сороход вздыхает – но этот звук какой-то необычный. Как его расценивать?

«Ну и что ты мне скажешь?» – звенящим от злости голосом говорит заведующая. Она выступает из темноты так неожиданно, что сороход чуть не падает от страха.

– Илена Иванесовна, – начинает ныть он. – Такое случилось! Звери!

И вдруг понимает, что его остановило.

В доме начальника базы не звук, а тишина.

Гробоная.

3

Стоял тусклый осенний день, в три часа дня в комнатах зажгли электричество. Электричество было синего цвета – его производили гигантские мигающие лампы, приделанные к алюминиевым балкам на семиметровой высоте. Синий свет гудел и потрескивал. Это было здание бывшего НИИ, в его сумрачных коридорах и огромных стеклянных комнатах, многократно перегороденных пластиком, но все равно словно бы голых, навеки поселились скука, холод и мумии растений в литровых банках из-под венгерского горошка «Глобус». В газете шутили, что ночами по НИИ бродит призрак машинистки, не успевшей довязать носок. Если кто-то что-то терял, говорили: «Машинистка сперла».

Шарканье подошв, покашливание, позвякивание – из-за перегородки вышел Артем, остановился в проходе. По пластику проплыло темное пятно, секунду спустя оно перетекло в незнакомую женщину. Она встала рядом, широко расставив ноги.

Лет тридцать. Невысокая, похожа на цыганку. В ушах, на пальцах, на запястьях, даже на сумке – золотые звонкие кольца и бляхи. Крепко надушенная, так что один из редакторов чихнул.

Сразу подумалось: «Душная женщина».

– Познакомьтесь, это Галина. Она парапсихолог. Будет писать на четвертую полосу. Галина – специалист по нумерологии. Советует, там, в делах, мужей возвращает, я правильно излагаю?

– Вы зря ерничаете, – неожиданно громко сказала она.

Газета была демократичная, но главному редактору не хамили и здесь. Поэтому присутствовавшие при этом кратком разговоре пораскрывали рты: блатная, что ли?

Да, видимо, блатная. Артем поиграл желваками и ничего не ответил.

Потом он пошел по пластиковому лабиринту, волоча за собой ее позвякивание, словно кандалы. Периодически останавливался – за одной перегородкой, за двумя, за тремя – его симпатичный басок становился все глуше, пока не смолк окончательно.

Загадочная сценка помогла убить время до вечера. Кто такая? Почему хамит? Жена министра печати и информации?

– В нашей богадельне? – зевнув, спросила Лидия. – Не смешите.

Сказав эти слова, она посмотрела в зеркальце. От постоянного сидения перед компьютером глаза краснели, к вечеру казалось, что Лидия плакала.

– Загадка, – пробормотали за перегородкой. – Такая раззолоченная фифа.

– ...мою сестру он не взял, сказал: нет вакансий. А она, между прочим, университет Дашковой закончила...

За перегородкой вяло хохотнули.

– Вот уж Оксфорд нашли – университет Дашковой! Такая же богадельня...

– Хм.

– ...да и хорошо, что не взяли... Теперь она в журнале...

– ...но справедливо. Хоть один богатый человек на нашем, хи-хи, островке роскоши. А то ведь стыдно сказать: пишем про фуа-гра, а ее не пробовали.

– Его.

– Ее. Фуа-гра – это печень. Она.

– Его. Фуа-гра – это паштет из печени. Он.

– Блин, ну не смешно? У меня до зарплаты триста рублей, а я сижу и пишу статью про яхты. Нет, ну смешно, скажите?

– Смешно, смешно, успокойся.

Их газета была для богатых.

Артем любил повторять, что богатые любят мистику. Заводят себе астрологов, открывают чакры. Поразмышляв, Лидия склонилась к тому, что он прав. Богатство – это, возможно, страшнее, чем кажется. Вот они его и заколдовывают, чтобы не бояться. Парапсихолог был для их газеты в порядке вещей. Всякое писали на четвертой полосе. И о снятии порчи.

Через месяц выяснилось, что Галина работает почти без мистики. Отделяется общими фразами. Что хорошо бы работать раз в неделю. Для насыщенной внутренней жизни. И книжки читать надо, советовала Галина. Мураками и Коэльо. А в конце сложите цифры своего рождения, во вторник ждите приятного известия. Жизнь переменится, но не сильно. Чуть-чуть.

В коллективе она прижилась. Веселая свойская баба, и что приятно – не зазнается. Такая простая. Даже заняла, там, кому-то до зарплаты.

Статьи, как мы уже сказали, ни о чем. Но самоуверенные. И ошибок грамматических столько, что на компьютере текст казался подчеркнутым сплошной красной линией.

«Вот как это? – думала Лидия. – Как такая баба достигла успеха? Холеная, вся в золоте, работает раз в неделю. Какой смысл учить русский язык и прочие науки?»

– Я работаю для удовольствия, – сообщила Галина.

(– Э-эх, – вздыхают за перегородкой)...

– Я ни разу за последние два года не вставала по будильнику. Мне нужно вставать в двенадцать дня. Иначе я себя плохо чувствую.

(-Э-э-эх...)...

– Спать надо не меньше девяти часов. И обязательно мезотерапия, девочки. С тридцати лет это обязательно. Три курса в год, иначе кожа выглядит неухоженной. Посмотри, какая у тебя кожа, Аня. Это ведь стыд и срам.

(– Пойду покурю... Кто со мной?)...

– Ты зря, Лариса, носишь подделку под «Шанель». То, что она куплена на Черкизовском рынке, видно сразу. Она прямо кричит: «Я с Черкизовского рынка!». Вот посмотри, Лариса, как выглядит настоящая «Шанель». Ты подкладку смотри, видишь разницу? Не видишь? Ну так поверь на слово, есть люди, которые видят. Эта? Десять тысяч евро. Почему повеситься? Не надо. Я бы советовала носить что-то попроще, но настоящее. Есть неплохие сумки и за пятьсот долларов.

(– Хи-хи...)

(– Пуф-ф-ф, – это уже Лидия).

– Ах, подарок? Ну, тогда швырни эту сумку в морду тому, кто ее подарил. Мужчина должен знать, что ты дорогая... Лида, у тебя голова болит?

Галина остро смотрит на Лидию – взгляд изучающий, неприятный. Усы над губой подрагивают, Галина похожа на цыганку, предлагающую погадать.

– Давай я сниму боль? Я умею это делать.

Редакция сразу верещит восторженно.

– Правда?

– А как ты это делаешь?

– Вот так руки ставишь? Да? У меня соседка вот так руки ставит, и сразу мигрень проходит.

– Да-а... А вот мы не верим. А вот всякое же бывает. У нас одна женщина во дворе вернула мужа другой женщине. Вот и не верь. Прямо взяла и вернула. Плюнула как-то на фотографию, он и вернулся...

– Болит голова?

Взгляд странный, темный. Зрачки графитовые.

– Давай я попробую убрать?

Спорить неохота.

– Попробуй.

Галина водит руками над головой Лидии, редакция не дышит.

– Прошло?

Несуществующая боль убегает через ухо в окно...

– Прошло, – говорит Лидия.

– Ах! – радуется редакция.

В тот день Галина задерживается. Уже уборщица звенит ведром, а она все сидит перед компьютером. Лидия видит, что она раскладывает пасьянс.

Да, Лидия наблюдает за ней.

Потому что Лидия понимает: Галина сидит здесь из-за нее. И они обе словно играют в какую-то хитрую игру. Разгадывают загадки, которые загадали друг для друга.

В редакции тихо. Ушли последние сотрудники.

Уборщица шлепает тряпкой в кабинете главного редактора.

Лидии вдруг кажется, что мир за окнами исчез. Он ушел под землю, оставив только несколько картонных декораций.

Галина глубоко вдыхает. Сейчас она заговорит. Даст Лидии первые подсказки к загадке по имени Галина.

Чтобы получить подсказки к загадке по имени Лидия.

– Я вот смотрю на тебя... – Галина берет свою звонкую сумку, встает, делает несколько шагов и как бы случайно присаживается напротив. – Ты симпатичная девушка, а не замужем. Почему так?

– А зачем мне замуж? Мне и так хорошо.

– Не надо этого стесняться, – Галина кладет руку на пальцы Лидии. Рука сухая и горячая. – Я все знаю, в редакции нет тайн. Как ты думаешь, почему он на тебе не женится?

– Галина, послушайте...

– Подожди, Лида! Он живет с тобой шесть лет, пьет твою молодость, а предложения не делает. Тебе сколько – тридцать? Уже пора. Почему же он уваливает? Ты думала об этом? Многие женщины считают, что проблема в их характере или внешности. Но дело в другом.

– В венце безбрачия, наверное?

– Я знаю, что ты не веришь в это. Я тоже не верю в это. Но есть одна вещь, в которую я верю. Смотри.

И она достает из сумки фотографию.

– Вот.

С фотографии смотрит на Лидию толстая и усталая женщина лет пятидесяти. Она сидит, откинувшись на спинку старого кресла. Лидия думает, что такое же кресло есть у соседки. Старое кресло, дешевое, в семидесятых годах они были во многих квартирах. Сейчас они остались только в очень бедных квартирах или в тех, которые сдаются.

На кресло наброшен синий коврик с красными цветами. И коврик узнает Лидия, соседка тоже покрывает таким свое кресло. Только соседский коврик не синий с красными цветами, а красный с синими цветами. В общем, смешно, когда берегут такие кресла. Выбросить их пора, да купить новые.

Как интересно устроена человеческая голова! Мысли бегают вокруг этого кресла, а к женщине не приглядываются. Зачем приглядываться?

Все и так ясно.

Нос вспоминает запах соседского кресла – кислый, пыльный, вот потянуло мокрой псиной. У соседки живет старая собака, она вечно лежит в этом кресле, свернувшись калачиком. Потом сядешь на коврик и целый день на тебе шерсть...

Наверное, и у женщины на фотографии все брюки в шерсти. Черные дешевые брюки с искоркой, к таким всякое дерьмо липнет...

На фотографии виден край шкафа. Полированное старье. Можно представить, сколько отпечатков на нем накопилось за те двадцать лет, что шкаф стоит в этой квартире.

Вы говорите: воображение разыгралось? Собака какая-то почудилась? Ее же нет на фотографии, собаки – собака у соседки. Мысли собираются в кучку, удивляются сами себе, но тут же обрадовано всплескивают. А угол за шкафом почему такой засаленный? Кто это подрал обои за правой рукой женщины на фотографии? Скажете, не собака? Собака, собака. Кислый угол, замусоленный, словно покрытый слоем окалины. У женщины тоже есть собака, и эта собака старая. Десять лет она терлась об этот угол и сидела в этом кресле, которое было старым уже в тот год, когда старая собака была щенком.

Женщина на фотографии, наверное, ищет взглядом глаза Лидии, потому что Лидия чувствует неудобство. Так смотрят нищенки, просящие милостыню. Жалко? Да, жалко. Но жалко у пчелки в жопке.

– Ну, узнаешь? – говорит Галина. – Это ведь я. Два года назад. Смешно, правда?

4

За два месяца до ухода Верки из детского дома заведующая послала ее за козьим молоком. Отношения тогда уже были неважные, постоянно они переругивались, вот заведующая и отомстила. Бидоны с молоком вмещали двадцать литров, а дорога была неблизкая. Обычно за молоком посылали взрослых парней.

Верка пошла злая. Не из-за молока – вообще, злая. В ней тогда поселилась жажда перемен, она не давала Верке дышать полной грудью. Словно степной ветер надул ей в сердце каких-то обещаний: сердце стало набухшее, как шмель перед грозой. Даже постоянная ругань с заведующей текла мимо нее. Верка и слушала вполуха, и отвечала без куража. Она глядела теперь поверх голов, постоянно выискивая взглядом линию горизонта.

Тихо было в тупичке, по которому Верка поднималась к дому хозяйки козы. Улочка была богатая, с неприступными заборами. Здесь жили семьи местного начальства. Женщины из голубых ворот выходили редко, а если выходили, то прошмыгивали к соседним калиткам, накрыв голову.

Верка миновала дом директора магазина, подошла к воротам хозяйки козы. Еще год назад та никакого молока не продавала. Жила себе за начальником ГАИ, как у Магомета за пазухой, по-русски не понимала. Но начальника ГАИ посадили, и тетка быстро выучила русский. И козу научилась доить.

Верка вздохнула, толкнула калитку, и, прежде чем войти внутрь, осмотрела равнодушным взглядом конец тупичка. Там стоял последний дом – начальника автобазы.

Хозяйка козы оставила ее в саду, а сама ушла с бидонами в сарай. Верка стояла послушно, не двигаясь, даже не уходила в тень с освещенного солнцем места. Только вертела головой, чтобы не было скучно.

Отсюда ей был виден край соседского сада. За яблонями возился начальник автобазы, он стоял на земле на коленях – словно грядки полот. Любопытная Верка не удержалась и тихо, как мышка, приблизилась к забору.

Теперь она хорошо видела, что начальник базы откапывает под яблоней горлышко стеклянной банки. Рядом с ним на подстилке лежит аккуратный брусочек денег.

Она снисходительно улыбнулась. Жизнь любого человека здесь была на виду. Никаких тайн городок не признавал. Девичья честь, контрабанда черной икры, размеры взяток начальнику милиции – все это было выставлено на всеобщее обозрение. Возможно, такой открытости способствовала расстилающаяся вокруг городка степь, сама не признающая тайн, а признающая лишь бескрайний простор традиций. Богатство тоже было защищено лишь зыбким мороком, похожим на степной зной. Богачи, конечно же, прятали деньги, ведь эти деньги были незаконные, но прятали они их не от местных бедняков, а от призрачной, но от этого не менее жуткой советской власти. Местных бедняков не боялись, никому из них и в голову бы не пришло, что деньги можно украсть. Так что разговоры про эти банки, в которых хранились и деньги, и кольца, и царские монеты, были настолько привычными, что даже стали неинтересными. Единственное новое, что Верка увидела – место.

Под старой яблоней, на краю сада, у калитки, выходящей в степь.

Укромное местечко – одобрила она и вернулась на дорожку, по которой уже шла с бидоном хозяйка козы.

Собиралась ли она украсть эти деньги? В смысле, собиралась ли она это сделать вообще – в принципе? Этого Верка и сама не знала. Она была из тех людей, что принимают решения быстро и никогда заранее не задумываются о проблемах. Это ее дочь потом будет бесконечно раздумывать о том и об этом, чтобы всю свою решимость в итоге растратить на бесплодные

размышления. Верка же не примеряла на себя будущие судьбы – ни сладкие, ни страшные – поэтому в момент принятия важного решения она всегда была пустой и сильной.

Решение понадобилось два месяца спустя.

Оставив Верку с женой, начальник автобазы ушел на сабантуй. Верка посидела с родственницами, пока они не разошлись, подобрала миндаль с ковров, отнесла пиалы на летнюю кухню, понаблюдала за тем, как быстро густеют сумерки за стеклами веранды. Потом Верка отправилась прогуляться в сад. Там она откопала банку, вытащила три брусочка, после чего спокойно открыла калитку и ушла в степь.

Первая жена начальника в это время сидела в доме и слушала русское радио. Она наклоняла голову, пытаясь различить слова или хотя бы отделить их одно от другого. Женщина понимала, что жизнь ее теперь изменилась; наверное, и их дому уже не закрыться от этой громады, что вечно нависает над бедным затерянным городком и пытается проникнуть то своими радиоприемниками, пожирающими тишину, то далекими институтами, пожирающими сыновей, то белокрысыми женами, пожирающими мужей...

«Где Верка? – спросил начальник автобазы, вернувшись. – Ты нам постелила?»

«Я постелила, – сказала жена, все-таки изображая на лице некоторую обиду. – А твоя русская жена гуляет в саду».

«В саду?» – изумился начальник автобазы. На дворе уже была ночь.

Прежде чем выйти в сад, он прошел в спальню. Там постоял немного, любясь на белую постель, на пышную немецкую перину, на ковры, разложенные на полу и развешенные по стенам... Ну, там много было красивого и богатого, была даже огромная немецкая картина с голыми розовыми наядами и подсматривающими за ними охотниками. Эту картину начальник автобазы привез из Германии, где, между прочим, довольно геройски воевал.

Короче, он полюбовался, повздыхал, затем отправился в сад искать Верку.

Начальник автобазы никогда не узнал, что Верка его немного раскулачила. Смешно, но он из осторожности не вел учета денег и пропажу трех брусочков не заметил. Уже позже – весной – на степь обрушились невиданные ливни, они затопили и дом, и сад, часть денег испортилась, и последние следы воровства оказались смыты. Так что у него не осталось ни обиды, ни гнева, одно только изумление и даже некоторое подозрение, что дневные события были лишь сном. Он долго сидел в саду, глядя на звезды, а его жена в это время сидела в комнате, выключив радио и прислушиваясь к тишине сада. В итоге в доме начальника автобазы образовались как бы три тишины: одна исходила от начальника, другая от его жены, третью порождало отсутствие Верки. Неудивительно, что такая тройная тишина была услышана обкуренным скороходом как некий странный звук.

Через полчаса начальник автобазы и его жена вместе легли на шикарную кровать, приготовленную для Верки.

А сама Верка в это время уже подходила к железнодорожной станции.

Через два часа она сидела в тамбуре поезда, ползущего из Баку в Москву. А через двое суток стояла на московском вокзале, задрав голову и приоткрыв рот. На недостижимом потолке этого чудесного здания был настоящий Кисловодск: лепной, синеватый, состаренный патиной пыли.

Это была красота в чистом виде.

Верка поняла, что достигла пределов мира.

– Что, мадмуазель, красиво? Столица родины, мать ее... Трр-ретий Рр-рим! И куда вы, кстати, направляетесь, такая беленькая, хотя и замарашка?

Верка оглянулась.

Перед ней стоял тощий высокий старик в пиджаке на голое тело. Еще на нем были подвязанные веревкой штаны и сильно стоптанные ботинки. От старика разило перегаром.

– Да куда, – пожала плечами Верка. – Я ведь сирота.

Старика звали Иван Переверзин. Лет тридцать назад он был довольно успешным художником. От тучных лет ему осталась однокомнатная квартира в огромном доме с башенками в пяти минутах ходьбы от вокзала. Все остальное богатство: мастерскую, дачу в Петрово-Дальнем, толстую красивую жену, сберкнижку – сожрала водка.

Иван Переверзин был алкоголиком.

Его алкоголизм был слегка загадочным. Он не сказывался ни на поведении Переверзина, ни на ясности его мысли, он даже не портил Переверзину здоровье. Единственное последствие алкоголизма заключалось в том, что, когда Иван был пьян, у него пропадали деньги, предметы и близкие люди – то есть любые материальные объекты. Пропадали они в небольших количествах, но регулярно – и никогда больше не возвращались. Порой, будучи трезвым, он пытался проанализировать свой странный недуг, а его друг-ученый Митя даже разработал для него сложную статистическую систему, позволяющую найти закономерности в исчезновении объектов.

Сложная система не помогла.

Тогда Митя сам решил стать участником эксперимента. Он уселся рядом с Иваном Переверзиным и его бутылкой водки и просидел от первой рюмки до последней. Потом он сходил с Иваном в магазин и там строго проверил все расчеты с продавщицей. Потом он еще два раза сам сходил в магазин и, разумеется, свои траты записал. Ивана он на это время запирали в квартире. Это был настолько добросовестный ученый, что прежде чем вернуться в квартиру из магазина, он прошел вдоль дома, проверяя, не выбрасывал ли запертый Иван какие-нибудь предметы из окон. Никаких предметов под окнами не было.

И что же? Утром, как только Переверзин протрезвел, в квартире не оказалось двух его лучших картин, альбома семейных фотографий и одной серебряной вилки.

«Это первый зарегистрированный случай бесследного исчезновения материи!» – заявил Митя, который и раньше страдал идеализмом и даже отсидел за это восемь лет. Трезвый Иван только развел руками.

Вот такой необычный человек теперь стоял перед Веркой.

Она внимательно смотрела на него своими голубыми глазами. Ее взгляд показался Переверзину очень несчастным. Такая уж особенность была у Веркиных глаз – любой мужчина видел в них то, что хотел видеть. Переверзин любил жалеть людей. Это была последняя роскошь его жизни – после любви, славы, денег, искусства – роскошь, которую он, шестидесятилетний, теперь считал самой драгоценной.

«Значит негде ночевать?» – спросил он и, не дождавшись ответа, потянул Верку за собой. Ладонь у него оказалась сухой и колючей.

«Задохлик, – снисходительно подумала Верка. – Идет-шатается. Если полезет, я ему дам по башке так, что он окочурится».

После богатых интерьеров начальника автобазы квартира Переверзина показалась ей убогой. Не такого она ждала от Москвы. Не было здесь ни одного ковра, а картины на стенах висели не гладкие, а бугристые. Вблизи и вовсе не разберешь, что нарисовано. «Твоя мазня?» – строго спросила Верка, и он повинился: «Моя».

Пришедший к вечеру Митя обнаружил Переверзина пьяным, а на его кровати он обнаружил большой накрытый одеялом холм. Холм страшно храпел.

– Это я на вокзале подобрал, – похвастался Переверзин.

– Что за мужик?

– Это девчонка... Такая голубоглазая, жалкая, как птенец.

Митя недоверчиво скосил глаза на храпящий холм, но больше ничего не сказал. До самого утра они пили под аккомпанемент Веркиного храпа и переговоры диспетчеров на вокзале. Задремали только на рассвете, а когда проснулись, солнце уже заливало комнату.

Надо ли говорить, что трезвый Переверзин и его друг-ученый не обнаружили в квартире даже намека на храпящий холм. Кровать была не застелена, но холм исчез. Вместе с ним исчезли четыре яйца и батон хлеба. Исчезновение было настолько привычным, что они даже не удивились.

«Куда это все девается? – бормотал Переверзин, бродя по квартире. – В какие миры? Оттуда нет возврата...»

Он еще не знал, что совсем скоро его поразительная особенность даст сбой.

Верка окажется первым в мире материальным объектом, который не только сумеет преодолеть непреодолимый барьер и вернется уже через три дня, но еще и останется, и не исчезнет во время следующих Ивановых пьянок.

И даже кое-что прояснит о том темном мире, куда уходят любимые вещи и люди.

5

– Это я два года назад. Смешно, правда? – говорит Галина. – Если бы мне тогда сказали, что моя жизнь изменится всего за одну неделю, я бы ни за что не поверила...

Острый черный взгляд исподлюбя.

– Да и как поверить? Я ведь голодала, Лида. Была на грани самоубийства. Думала, что все, – рука вверх и вниз, за рукой плывет дуга золотого блика, похожая на нить марионетки, – Тебе не понять, что это такое: когда есть нечего. Ты ведь москвичка, у тебя, говорят, мама богатая... – рука чешет кончик носа, нос тренькает, – А я о хлебе простом мечтала. А получила: вот! – браслеты тяжело падают друг на друга: это рука обводит пространство вокруг Галины, словно Галине теперь принадлежит вся газета, впрочем, черт его знает, что ей принадлежит. – Ты думаешь, трудно изменить жизнь? Ты ошибаешься. Изменить жизнь просто, ты даже не представляешь, как просто! Твоя жизнь тоже изменится. За одну неделю. Шесть лет он тебя мучает, а через неделю женится. Даю слово.

«Один взмах – и загадки разгаданы, – насмешливо думает Лидия. – «Мама богатая». Это кто рассказал? – (ей приятно тем не менее, что Галина знает о богатой маме) – «Мама богатая»: значит сейчас она предложит какую-нибудь процедуру. Приворожить мужика. Типа, что меня сглазили и надо поводить руками над моей головой. Но это, типа, стоит денег... Интересно, фотография настоящая? Или она таскает чужую?»

– Ты даже не представляешь, как я жила еще два года назад! Я была мать-одиночка, у меня не было прописки. Сбежала из Ельца от мужа-алкоголика... Видишь на фотографии, это комната в Перово, я ухаживала за парализованной женщиной, и мне за это позволяли у нее жить. В квартире все провоняло мочой, и еще там жила старая собака. Ты себе это можешь представить, Лида? Там, кстати, была самая маленькая в мире кухня. Четыре метра, ты такие когда-нибудь видела? Когда готовишь, твоя попа заслоняет телевизор в комнате.

Лидия выражает удивление.

– А у сына аллергия. Он из-за этой проклятой собаки постоянно задыхался. Если бы ты знала, Лида, какой это ужас, когда твой ребенок задыхается. А тут еще мама умерла, больше родственников не осталось. Я устроилась работать продавщицей в ночной ларек, а там недостача – на меня завели уголовное дело... Это потому что я отказалась спать с хозяином. Азербейки мстительные...

Горести Галины множатся. Словно черные ветки, они вылезают из Галининого рта и оплетают воздух вокруг стола. Лидия всегда любила слушать человеческие истории. А тут прямо триллер. Чем закончатся такие ужасные неудачи? Колдовством? Снятием порчи? Каббалой?

– ... И такая слабость... Я все-таки решила провериться. Опухоль, Лида! Рак груди.

Лидия на секунду опускает взгляд. Она немного разочарована. Ей почему-то казалось, что будет тоньше.

Но раз в ход пошел рак, значит тоньше не будет. Сейчас она попросит двести долларов. Это чтобы снять порчу. Еще и наврет, что у меня есть тайная болезнь, вызванная забитыми энергетическими каналами, эту болезнь пока не заметить и никак не определить, но через пару лет она приведет к онкологии, так что давай, мать, двести баксов и разойдемся друзьями, ты по любому в выгоде – даже если мужика не получишь, хотя бы от будущей онкологии избавишься. Да, все просто – вот, откуда у нас золотые браслеты и сумка «Шанель», а я гадала, как эта женщина зарабатывает себе на мезотерапию. Если ты, сука, скажешь хоть слово о тайной болезни, я повожу руками уже над твоей головой и скажу тебе: «Гали-и-ина, вас ждут черные времена... Я это ви-и-ижу-у-у-у! У меня тоже есть спосо-о-обности». Надо учить таких людей.

– ...И вот эта женщина по секрету рассказала мне о теории выигрыша. Она сказала, что ей в свое время помогли заплатить за эту теорию, и она пообещала тоже кому-нибудь помочь. И выбрала меня. Материн дом в Ельце – двадцать тысяч долларов. Она добавила еще столько же.

Лидия решает, что ослышалась.

– Сколько?

– Тогда было сорок тысяч, сейчас больше.

– Сорок тысяч долларов?!

Мама дорогая! Да я тебя недооценила!

– Два года назад, ты помнишь, Лидя, сразу после дефолта – сумасшедшие деньги! Это была трехкомнатная квартира в Москве. Трехкомнатная квартира в Перово стоила сорок тысяч долларов! Но я рискнула. И уже через неделю, Лидя: никакого рака – раз, любящий муж – два, огромная квартира – три, ну и загородный дом с бильярдной, домработницы, няня, горничная. И у сына никакой аллергии. Вся жизнь изменилась как по волшебству!

– Галя, я читала твои статьи, там...

– Да статьи не при чем! – сердится Галина. – Какие статьи? Я прочитала пару учебников по психологии, теперь их пересказываю. Дома сидеть скучно, вот я и подрабатываю.

– Значит, твоя теория выигрыша – это совсем другое?

– Во-первых, она не моя. Во-вторых, да, это совсем другое. Совершенно другое, Лидя! Ну, немыслимо чудесное! Оно меняет жизнь за один день, понимаешь? И ты получаешь все, что хочешь! Сразу же!

– За сорок тысяч долларов?

– Сейчас это стоит восемьдесят тысяч, – скромно уточняет Галина.

– Восемьдесят тысяч долларов?!

Лидия уважительно затыкается. Сказать нечего: круто.

– А в чем она состоит-то? – наконец, спрашивает она. – Эта теория в чем состоит? Ну, хоть в общих чертах.

– Это семь лекций. Лектор – наш русский человек. Особо он не афишируется, даже, можно сказать, скрывается. Я тебе дам его координаты.

– Ну а что это все-таки? Психологический тренинг, магия?

– Я не могу сказать.

– Почему?

– Не имею права. Я не могу сказать вообще ничего о том, что я услышала на лекциях. Ни одного слова! Это обязательное условие. Иначе для моей судьбы все кончится ужасно... Ну, я умру, короче.

Лидия от неожиданности прыскает. Но Галина не обижается: у нее вид доброй и воспитанной мамочки, чей ребенок пукнул в общественном месте. Нельзя пукать, зайка.

– Это очень интересно, Галя, – говорит Лидия и вздыхает. – Но я не верю в такие вещи. И никогда не поверю.

– Не поверишь? – изумляется Галина. – Но я же говорю тебе, что моя жизнь изменилась как по волшебству.

– Возможно.

– Не «возможно»! А точно изменилась! И у всех остальных, кто прослушал эти лекции, тоже изменилась жизнь. Они получили все, что хотели. Знаешь, чего хотел мужчина, который сидел на лекциях рядом со мной? Тебе сказать?

– Давай я еще раз повторю, а то, боюсь, ты не поняла. Я никогда в это не поверю. Ни при каких условиях. Понимаешь?

Та начинает нервничать, лицо идет пятнами... Или она думала, что Лидия уже на крючке?

– Но это глупо! Если нет таких денег сразу, займи, возьми кредит... Это всего-навсего деньги! Ты уже к концу года сыграешь свадьбу. И не в этой газете паршивой будешь сидеть – в другой газете. В «Аргументах и фактах»! А может, ты вообще работать не хочешь? Чтобы просто так деньги шли, а? Миллионы! Ты о чем мечтаешь?

– Ты золотая рыбка?

– Почему ты иронизируешь? Просто скажи, о чем ты мечтаешь.

– Галя, я не открываю душу перед первым встречным.

– Ты не хочешь быть счастливой?

– Таким чудесным способом – нет.

– А если бы это было бесплатно?

Дура – Галина. Средние люди (а Лидия – средний человек) – это самые рациональные люди на земле. И если уж соблазнять их такими вещами, надо действовать аккуратнее. Конечно, и Лидию можно заарканить, думает Лидия, но только с расстояния вытянутой руки. К чудесным горизонтам она не пойдет, не тот характер.

Ей надо так: «Рак, конечно, никуда не делся, но я его вовремя обнаружила, повезло. Сделали химиотерапию, все-таки у нас в больницах могут лечить, зря мы их ругаем... – потом раздумчивая пауза и как бы между прочим: – А может, правду говорят, что моральный настрой имеет значение? Влюбилась, там, видимо, какие-то гормоны стали вырабатываться, может, они роль сыграли? Рак – это ведь обида. А обида на жизнь у меня прошла...»

Потом так же сказать о работе: «Стала в себе уверенной, это понравилось. Люди ведь принимают нашу уверенность на веру».

Потом сказать о сыне: «Десять лет мальчику исполнилось, перерос аллергию. На работу устроилась – деньги появились, стала сына на море возить, это главное».

Вот как надо убеждать Лидию. Это словно протягивать руку с приманкой.

Рука осторожно высовывается на твою территорию, ждет. Она способна ждать долго. Она знает: ты не скоро ступишь на чудесные поля. А если ступишь, еще отойдешь не единожды.

И в глубине полей ты не затеряешься никогда. Ты слишком рациональна.

– Возьми кредит, заплати – и получишь все, что хочешь!

Лидия устала, ей уже неинтересно, но она думает напоследок: «Красиво». Она рада, что задержалась на работе – получилось приключение. И хорошо, что не было колдовства. Никаких венцов безбрачия. Никаких реалистических приманок. Голое чудо как оно есть. Розовое голое чудо, похожее на пластмассового пупса.

– Хочешь верь, Лида, хочешь нет. Он сразу на тебе женится!

Хочешь верь, Лида, хочешь нет...

А хочешь ли ты, Лида? Или не хочешь?

Она думает мимолетно, что не может ответить на такой простой вопрос... И не может понять, почему не может ответить.

– Я, конечно, вернула деньги этой женщине. И потом еще помогла одной. У той была ужасная ситуация... Но у тебя, наверное, есть деньги? Ты же москвичка. Говорят, у тебя мама крутая... Для тебя же это не запредельная сумма?

Разговор уже утомляет. Он был забавным вначале, но теперь он не забавный. Галина слишком навязчива.

– Все дело в деньгах! – торжествующе говорит Галина.

– А остальные легко соглашались отдать тебе восемьдесят тысяч долларов? – интересуется Лидия.

– Почему мне? При чем здесь я? Я только дам тебе адрес. Ты его больше нигде не найдешь. Я с этого проценты не получаю.

– Да, Галя, я тебе верю.

– Нет, ты мне не веришь. Ты думаешь, я тебя развожу, а я просто хочу тебе помочь. По доброте.

– Еще секунда, и я пошлю тебя. Уж извини.

Та реагирует быстро:

– Да нужна ты мне! Охота была метать бисер перед свиньями...

Галина встает и отходит к своему столу. Походка у нее расхлябанная, вульгарная. Теперь Галина похожа на цыганку, понявшую, что жертва сорвалась. Она начнет хамить?

Но она не хамит, просто теряет интерес. Даже не прощается с Лидией.

Лидия сидит некоторое время, глядя в темное небо за окном. Ну и ну, бывает же...

На следующий день ей хочется посмотреть Галине в глаза – при свете дня – должны же эти люди хоть немного стесняться? Но ни на следующий день, ни через неделю Галина на работу не выходит. Оказывается, она уволилась. Еще через месяц Артем рассказывает, что Галина теперь ведет психологическое ток-шоу на телевидении. «Она тебе предлагала магический тренинг?» – спрашивает Лидия, он отмахивается. Все остальные тоже пожимают плечами. Вначале ее это удивляет, но потом она догадывается: в их газете для богатых работают одни голодранцы. Лидия здесь единственная, кто имеет репутацию человека, способного заплатить восемьдесят тысяч долларов. «Неужели кто-то платит?» – размышляет она и приходит к мысли, что да, кто-то платит.

6

Прежде чем вернуться в квартиру у вокзала, Верка, прямо скажем, помыкалась. Москва умеет обламывать, даже если встречает с распростертыми объятиями. Тут надо отдать Верке должное: она быстро уловила эту московскую особенность и не повелась на все те дары, которые столица излила на нее с первых шагов по перрону.

После бесплатной ночевки в настоящей московской квартире наступило не менее щедрое утро. Верка нашла в холодильнике яйца, на холодильнике нашла батон. Плотно позавтракала. Потом она набрала в раковину воды, помыла лицо, руки и между ногами. У Ивана был душ, но Верка не умела им пользоваться. Ей, впрочем, и бегущая из крана вода была чудесным подарком.

На этом подарки не кончились. Когда Верка вышла на улицу, она обнаружила на двери подъезда объявление с предложением работы на заводе «Карболит». Ну разве это было не чудо? И чего все в Москву не прут? Здесь так легко делать дела.

Пришлось, правда, несколько раз повторить адрес: «Орехово-Зуево» – странное такое название, плохо запоминающееся.

Она нашла эту организацию уже в полдень, хотя сама потом в это не верила – Орехово-Зуево оказалось в ста километрах от Москвы. Чтобы добраться до этого Орехова, ей пришлось найти еще один вокзал (в Москве оказалось аж два вокзала!), потом найти на вокзале электричку, потом преодолеть сто километров зайцем, бегая от контролеров. Денег у Верки были полные рейтузы, но она берегла их для важного.

На заводе «Карболит» все тоже началось прекрасно: она набросилась на мужика в отделе кадров, стала кричать, что не уйдет никуда, потому что идти некуда, потому что она детдомовка; мужик, помнилось ей, все вытирал лысину платком, отступал к стене и бубнил, что да, лимит есть, но он для неженатых мужиков. В итоге она упала в обморок: Верка обладала и таким умением.

Ох, Верка, и Москву-то не проймешь дешевыми обмороками. А уж Орехово-Зуево... Они вынесли тебя на солнышко и прислонили затылком к стенке. Даже покарябали затылок слегка. Бессердечные люди...

Она встала, отряхнула зад, поправила волосы и оглядела голубыми глазами здание отдела кадров, а за ним – тусклый корпус завода.

«Ну и мерзкий городок, – громко сказала она. – Да чем здесь работать, лучше вернуться в детский дом. Это они должны ползать передо мной на коленях, чтобы я согласилась у них жить!»

Так она впервые в жизни вслух сформулировала главное правило своей судьбы: любой провал – это шаг на пути к удаче.

Теперь Верка, как солидная москвичка, купила билет в кассе. Она уже не была намерена бегать по вагонам от контролеров – она теперь ходила по вагонам неспешно, а присаживалась к тем, кого выбирала еще на входе. Высосав нового собеседника до последнего слова, она шла дальше. За полтора часа пути Верка успела поговорить с пятью москвичами и двумя лимитчиками. Это дало ей все необходимые знания о новом мире. Знания были закодированные и звучали абракадаброй, но она ничего не перепутала: ЗИЛМЗМАМЕТРОЖЭК.

Все остальные коды ее отныне не интересовали.

...Вот скажите, как поведет себя обычный человек, потерпев неудачу в городе Орехово-Зуево? Правильно, он отправится в Калугу, потому что Калуга еще дальше и шансов там больше. Обычный человек теперь даже не рыпнется в сторону красивых названий типа «Карболит», он станет искать что-то попроще, чтобы наверняка.

Но у Верки была своя линия поведения. Верка порой вела себя так, что заведующая детдомом доходила до сердечного приступа. «Ну ты же не дебилка! – орала заведующая. – А иногда смотришь: дебилка!» Она так орала потому, что считала поведение Верки нелогичным.

Нелогичным ли было Веркино поведение?

Судите сами.

После провала в Орехово-Зуеве Верка решила устраиваться только в Москве, причем сначала выбрать место будущей работы, осмотреть его, придирчиво оценить и только потом, собственно, прикладывать усилия для завоевания плацдарма. Только так, никак иначе. А выбирать следовало по формуле: ЗИЛМЗМАМЕТРОЖЭК.

Первая часть тайного заклинания – ЗИЛ – была отмечена сразу же по причине своей огромности и бездушности. Верка даже не приблизилась к отделу кадров. Вторая часть оказалась и вовсе страшной. Говорили, маленькие автомобильчики, вон как тот, «Москвичи» называются, и ударная комсомольская стройка, для молодых то есть. Но как увидела она котлован под новый корпус, так бежала с этой комсомольской стройки, словно какой-нибудь белогвардеец. Сроду Верка таких провалов не видела. Так ведь насквозь можно землю прокопать...

Метро оставило у нее двойственное чувство. С одной стороны, красиво и мраморно, похоже на Кисловодск, с другой стороны – грохот и очень страшные темные коридоры, засасывающие поезда и людей. На мраморных платформах Верка не заметила рабочих, из чего она заключила, что место их обитания – именно черные коридоры. По телу Верки побежала дрожь – ей и в степи-то порой было тесно.

Оставались последние три буквы: таинственные ЖЭК.

Получилось очень смешно: Верка подошла к первому попавшемуся прохожему и спросила его: «Где у вас тут ЖЭК?» – точно так же, как она спрашивала: «Где у вас тут ЗИЛ?» и «Где у вас тут МЗМА?». Прохожий охотно махнул рукой в сторону дворов. Оказалось, и ехать никуда не надо – вот повезло!

Верка долго брела по дворам, выискивая объекты, хотя бы слегка сопоставимые с ЗИЛ, МЗМА или метро, так она прошла километров пять, перешла большой проспект и поняла, что заблудилась. Она снова спросила у прохожих, где ЖЭК, и те показали ей снова вглубь дворов. Она снова пошла и снова пересекла что-то просторное. Так она ходила два дня и обошла всю Москву по кругу. Ночевала Верка на лавочках и только чудом избежала привода в милицию. Каждое новое большое и светлое здание вселяло в нее надежду, но ЖЭК оставался неуловим. Наконец, к полудню третьего дня блужданий уставшая, натершая ляжки деньгами Верка пришла к его входу.

Это была старая покосившаяся дверь в двухэтажном доме. И она вела под землю! Можно было только поражаться, каким тайным влиянием обладал этот таинственный ЖЭК, если все москвичи в любом уголке Москвы точно знали, где он расположен. Находящиеся от него за многие часы пути, они верно показывали руками – во дворы, во дворы, минуя громады зданий, туда, где между корявыми вязами полощется на летнем ветру белье, где из каждого окна вкусно пахнет жареной картошкой и где скрипит деревянная дверь, приглашая пройти по темным ступенькам вниз – в тайное чрево Трр-р-етьего Р-р-има.

Ее осадил сразу же: без работы не прописывали, без прописки не брали на работу. Работа была и в самом ЖЭКе, требовались, например, уборщицы. Но без прописки на работу не брали, а без работы не прописывали.

Она продолжала топтаться на пороге, не уходила, буквально кожей чувствуя, что так приходит удача: тихонько, между прочим. Это всегда покосившая дверь, ведущая в маленькую комнатку в цоколе, с окнами вровень с травой... Ну не может быть, чтобы такие таинственные дверцы не открывали таинственные входы... Верка верила в судьбу и теперь топталась, гундося: не то чтобы надеялась на удачу, а как бы тянула время, позволяя событиям созреть.

– Значит, в метро берут?.. – бормотала она.

– Дурочка ты дурочка, – вздохнула гладкая сытая татарка, сидевшая за столом. – С твоей красотой – и по лимиту. Ну что ты будешь делать под землей, а? Состаришься уже через десять лет и все ради койки в общежитии. Даже мужика не приведешь. Тебе мужа надо.

– Ну, мужа... – хмыкнула Верка. – На кой он мне черт сдался?

– Прописку получишь, на хорошую работу устроишься. Или учиться пойдешь. А если муж будет военный, то вообще можешь дома сидеть, шубы мерить.

– А что, если замуж, то и прописку получу? – изумилась Верка.

– Ну конечно! У нас девчонка работает, так она вообще за старика вышла. Он умрет – ей комната достанется. Ко мне даже подходят иногда: нет ли, мол, у вас в районе стариков таких, которые согласны.

– Со стариком жить? – фыркнула Верка. – Ну уж нет.

– Да не живут они! – Татарка от досады на ее непонятливость даже хлопнула ладонью по столу. – Это фиктивный брак. Она ему денег предлагает, он с ней расписывается. А как муж с женой они не живут. Да он старик, смеешься, что ли? – и татарка сама рассмеялась. – А есть такие старики, которые и денег не просят. Ты ему приготовишь раз в день, он и благодарен. А ты зато москвичка. И сама можешь кушать то, что приготовишь! Вот это жизнь... Но стариков таких хороших мало... В основном алкоголики...

Татарка вздохнула, опустила веки на свои зеленые прозрачные глаза – и словно ее никогда не было. Несколько лет спустя Верка попыталась найти тот двор, ту дверцу, чтобы просто благодарно постоять и доказать самой себе, что здесь обошлось без мистики, но найти дверцу оказалось невозможно. И район был точно не известен, и двор был не запомнен, и двухэтажных домов в те годы снесли немало – в общем, ушла под землю подземная комнатка с зеленоглазой татаркой, спасибо ей, кем бы она ни была на самом деле.

В тот вечер Иван Переверзин был трезв и нездоров. Накануне он сильно простудился, и теперь его всего ломало. Он и лежать не мог, и сидеть, и ходить – ныли бедра от колена, крутило поясницу, отдавало в пах. Жалко ему стало себя, хотя он себя жалел редко. Одиному болеть плохо...

«Интересно, а умирать лучше одному или в чьем-то присутствии? – вдруг задумался Иван. – В присутствии, наверное, стыдно? Но одному, наверное, одиноко?» Мысль жарко разрослась в голове, стала преувеличенно важной, словно не будет ему покоя, пока он не решит, каким образом правильнее умирать. Это поднялась температура.

В дверь постучали, Иван пошаркал к входной двери.

Вначале он ее не узнал – она была нечеловечески красива в полумраке лестничной площадки. Не сирота с Казанского вокзала, а синеглазая ведьма из гриппозного кошмара. Тело ее казалось больше и белее, волосы гуще и рыжее, а в глубине ее глаз, казавшихся почти черными, вздрагивали синие лучистые огоньки. Иван по болезни и не понял, что это отражение его же окон за спиной.

– Ну, дядя, не узнал, что ли? – огорченно спросила Верка.

– Температура у меня... Что-то плохо соображаю.

– Температура? Так ты давай в кровать. А то будет эта, как ее, пиво... ниво... Короче, воспаление.

Через полчаса жизнь Переверзина переменялась. Сам он лежал на диване, на нем лежали два одеяла. Горло обмотал шарф, а на табуретке у дивана стоял стакан с чаем и бутерброд с маслом и медом. Верка гремела на кухне сковородкой и вслух поражалась изобильности московских магазинов. В родном городке в магазинах не было ничего – даже хлеба. Продукты продавались только на рынках, они были дороги, недоступны и совершенно не похожи на здешние.

– Сыр, – говорила она. – Желтый!

У них на рынках был только белый.

– Мед... Светлый, прозрачный!

У них был темный, сахаристый.

– Хлеб... Толстый!

У них был плоский.

– Конфе-еты...

Тут она даже остановилась и замолчала. Аналогов не было.

Так вот поражаясь, она поджарила картошку и четыре котлеты, купленные в отделе «Кулинария». Нарубила салат из огурцов и помидоров. «Готовить, надо готовить, – повторяла она про себя урок татарки. – Если не получится с готовкой, буду давать на водку, если не получится с водкой – придется предложить денег...». Тут ей стало немного тревожно: а если Иван потребует... это? «Какая ты прекрасная», – сказал он, когда она поставила перед ним тарелку с картошкой и котлетой. Это могло свидетельствовать о нехорошем. Готова ли она была дать и это, если не пройдет готовка, водка и деньги?

Но не понадобилось ничего. Выздоровевший Переверзин согласился сразу, она даже не успела сказать про готовку. И он еще сказал, что отдаст ей деньги, истраченные во время его болезни – чудак.

Расписывались под неприязненные взгляды работниц ЗАГСа. Удивленно сопел Митя, одетый в честь праздника в костюм. Вечером к их красивому столу прибежала дочка Переверзина и стала вопить, как резаная. Дочка вопила про квартиру, а неуклонно напивающийся Переверзин добродушно говорил ей, что жить будет долго, так что квартира – вопрос проблематичный. Дочка стала кричать, что вызовет милицию, и даже, кажется, вызвала участкового и соседей снизу, но тут Переверзин протрезвел, и вся эта толпа испарилась вместе с его пенсией и небольшой суммой из Веркиных запасов.

Сумму Верка, впрочем, дала добровольно. Две трети – дочери, одну треть – участковому. Больше они к ней не приставали.

7

В пятницу вечером к ее столу подошел Артем. Сказал, что завтра празднует новоселье, попросил помочь. За перегородками затаили дыхание: их роман был мыльной оперой, разыгрываемой на подмостках бывшего НИИ.

Начался этот роман семь лет назад. Тогда в первый год аспирантуры Лидия случайно зашла в газету, только что созданную Артемом на деньги его приятеля. Зашла с подругой – та работала внештатницей и принесла статью. Оказалось, что это газета о красивой жизни, перспективная, но начинающая, платят мало, журналистов не хватает. Главный редактор – взрослый, но современный. Лидии подмигивает, задание дает. Она старалась изо всех сил и через месяц была в штате.

Артем ей понравился с первого взгляда – уверенный в себе, остроумный. Смотрел правда хмуро, она думала, что недоволен статьями. Особого таланта у Лидии не было, она, в общем-то, жалела, что не пошла по материным стопам – не сказать, что там был бы талант, но там была бы поддержка.

После особенно неудачной статьи он ее к себе вызвал.

«У вас нет способностей к журналистике, – сказал. – Но мне кажется, есть другие способности».

И привлек на диванчик – именно так, как она себе намечтала.

Через час, когда она сидела на своем месте, оглушенная и словно расплывшаяся во все стороны, ей доброжелательно сообщили, что главный женат. Жена – породистая блондинка на собственной машине. Подтекст был такой, что с блондинками не тягаются.

– А я тоже блондинка, – сообщила Лидия. – Я просто крашусь.

Вечером того же дня она вернула свой натуральный цвет, чем очень обрадовала мать, уверенную, что светлые волосы – огромный талант, вроде оперного голоса.

Каждый день они встречались на диванчике в кабинете, потом вышли из кабинета в комнату отдыха, к осени залезли в машину, весной перебрались в парк и однажды оказались в семейной кровати блондинки. «Мы давно чужие люди» – сказал Артем. Это, конечно, звучало хрестоматийно, но он не врал, потому что через год развелся.

Это был триумф Лидии.

Тогда в редакции еще не было пластиковых перегородок, и ее победное выражение лица могли наблюдать все обитатели двухсотметрового помещения, залитого синим светом.

Квартиру Артем оставил жене, так что теперь в основном встречались на диванчике. Лидия предложила переехать к ней, он только засмеялся.

– Спасибо, малыш. Да ты не волнуйся: я ипотеку беру. Мне приятно, что ты предложила, но с твоей маман, боюсь, не сживусь. Активная женщина, у меня от таких голова кружится.

И поцеловал в висок.

С матерью он виделся только один раз – через полгода после начала романа. Он бы с ней вообще не виделся, поскольку не испытывал желания, это Лидия, влюбленная, возбужденная, активная, как никогда до и никогда после, буквально затащила его домой.

Лучше бы не тащила. Этот вечер оставил у нее неприятные воспоминания на всю жизнь. Артем потом долго над ней подшучивал – дразнил семейными легендами, которые мать так неосторожно вывалила.

– Маман твоя – фантазерка, – говорил. – Видать, от старости уже того.

– Дело не в старости, – возражала Лидия. – Она просто любит украшать жизнь...

– А ты, моя милая, фантазерка?

– Я не фантазерка.

– Вот у ингушей есть хорошая традиция – они с тещей не встречаются. Запрещено Кораном. Мудро, правда?

Неприятнь оказалась взаимной, мать определила Артема как «самовлюбленного старика» – ему тогда было тридцать девять, он не был стариком и не был самовлюбленным, потому что при разводе оставил жене квартиру, унаследованную от бабушки. Кто в наше время способен на такие поступки?

Месяц спустя он купил кусок воздуха над заросшим лопухами полем. Это называлось новостройка и означало, что отношения зятя и тещи ничего не значат – молодая семья будет жить отдельно.

Все началось хорошо: с поля выкосили лопухи, вбили колышки, зачерпнули первый ковш мертвой московской глины. Но потом остановились. Порыли еще немного. Остановились на год. Резко дорыли котлован, залили фундамент, подняли бетонные этажи до неба. Остановились на год. В бетоне проросли лопухи, по стенам поползли граффити. Ледяные языки замерзшей воды протиснулись между этажами, отвалился большой кусок бетона. За зиму дом похудел, обнажив ржавые арматурные ребра. Пошумели митинги обманутых дольщиков, пара отчаянных военных заняла висящие в небе бетонные рамки, объявив их своими квартирами. Потом один из военных свалился в дырку, долетел до третьего этажа, но остался жив. Если бы разбился насмерть, резонанс был бы сильнее, но и поломанные ноги показали по телевизору. Падение обманутого Икара взбудоражило общественность, и вопрос решили за счет других дольщиков, не таких падучих. Выделили народные деньги, и бетон начал обрастать кирпичной чешуей.

Каждое утро Лидия проезжала мимо этой стройки. И каждая новая картинка в окне автобуса означала перемены в ее жизни: плохие и хорошие. Остановили стройку – свадьба откладывается. Возобновили – надвигается. Когда дом закончат, он сделает ей предложение. Это логично.

Мать начала бунтовать. У них есть квартира, есть дача со всеми удобствами в академическом поселке. Зачем ждать окончания строительства, тем более что в этой новостройке и жить-то будет опасно, ведь не зря свалился кусок бетона – это трещины, Лида. Он не хочет ни от кого зависеть, он хочет быть хозяином в собственном доме, мама.

И все-таки мать привыкла ставить в разговорах более жирные точки – начальственная привычка. Вечером она спросила:

– Лида, а он тебе вообще когда-нибудь говорил, что женится?

Лидия пожала плечами.

– А ты сама спрашивала?

– Не обо всем нужно спрашивать, мама. Что-то понятно без слов.

– Уж куда там! – ядовито отозвалась мать.

Да, Лидия имела право спросить Артема о его планах на будущее. Но, во-первых, она считала логичным, что его планы на будущее связаны с ней хотя бы потому, что у него нет других женщин, а с Лидией он обсуждает самые интимные вещи, вроде простатита. Во-вторых, она догадывалась, что тема брака для Артема не очень простая, иначе бы он давно уже сделал предложение. Она боялась все испортить. Хрупкое равновесие их отношений, это яблоко, висящее на дереве ее судьбы, должно было созреть и упасть вниз, к ней под ноги, в силу естественного хода вещей. Артем старел, ему было все труднее менять жизнь, а Лидия и являлась его жизнью. Так зачем требовать то, что принадлежит по праву?

– А я, Лида, думаю, что не женится, – подытожила мать. – Не питай иллюзий. Он уже привык к тебе.

– И что, что привык? Женятся, когда отвыкают, что ли?

– Страсть ваша прошла... Вы же не спите вместе...

Лидия скрипуче рассмеялась. Мать умела пускать ядовитые стрелы – не мать, а индеец. Она просто смотрела на вещи и быстро делала выводы, это Лидию раздражало.

Артем был человеком сложным. Капризный мальчик из хорошей семьи, он, в отличие от Лидии, родился журналистом, а это профессия филологическая, и значит мужчины в ней – всегда немного женщины. За семь лет романа она привыкла не замечать его частые обиды, научилась жалеть слабость. Достоинств же у него было много. Образованный, красивый, купил квартиру в новостройке, главный редактор газеты. Его папа – тоже журналист, но в газете для бедных, идейный; дедушка – ученый, социолог по профессии, глубоко больной на всю голову. Понятно, что прийти в их крохотную двухкомнатную квартиру в каком-либо ином качестве, кроме как гостя на вечер, было невозможно. Жили они бедно: дедушка уже полвека не работал из-за сильнейшего малярии, хотя иногда выполнял халтурку для переписей населения, что, кстати, вызывало ужас Лидии – не от дедушки ли в переписях появлялись хоббиты и варяги – ну, а папины статьи оплачивались эпизодически и по низким расценкам.

И все-таки это была милая семья, знающая свою историю, что для Лидии, например, было невозможной роскошью, ведь ее мир начинался с матери и был совсем молодым и маленьким. Свои симпатии к этой семье она попробовала объяснить матери, но та отрезала: «Малярия – это наследственное, будь осторожна». Такие вещи с ней обсуждать было нельзя, вот почему Лидия так тянулась к Артему: она не считала его «хорошей партией», уже давно не считала, но она могла говорить с ним, о чем угодно: он любил бесконечные обсуждения того, что мать категорично обзывала ерундой. Собственно, Артем был единственный человек в жизни Лидии, с кем ей было легко разговаривать. И вообще, было легко. Поэтому, когда на третьем и пятом году их отношений у Лидии появлялись альтернативные варианты, она их, не колеблясь, отвергла.

Первого притащила с работы мать. Он оказался ее новым заместителем – мужиком лет тридцати, богатым, немного развязным, но и словно бы подмороженным в своих холодильных машинах. Иногда он зависал, думая о чем-то своем, или засыпал от усталости. Смотрел на Лидию в упор, потом подарил поездку на Мальдивы. Пять звезд, причем без себя в нагрузку. Путевку на одного человека в номер-люкс. Как это было расценивать? Она поехала и очень там жалела, что нет рядом Артема – за годы любви разучилась смотреть в одиночку, ей обязательно нужен был парный взгляд, даже не для того чтобы обсудить: просто увиденное без Артема походило на увиденное во сне. Оно еще не было рождено в реальность и внимания не заслуживало.

Когда она вернулась, мать сказала, что парень готов жениться, и если она принимает предложение, он купит квартиру побольше. Лидия возмутилась: как он может делать предложение, если совсем меня не знает?

– Помнишь, как Штальман говорил? – в сложных семейных ситуациях мать цитировала философа Штальмана (Лидия догадывалась: вымышленного) – Он говорил: а кто кого знает? Ты, Лидуся, своего Артема знаешь, что ли? Ты его еще хуже знаешь и не любишь давно, привыкла просто. Ты с ним несчастна, поменяй жизнь, а?

– Поменять жизнь? Связать ее с твоим заместителем, который видел меня три раза?

– Между прочим, Лидуся, три раза ничем не хуже тридцати.

– Это тоже цитата из философа Штальмана?

– Нет, это моя цитата.

– А тебе не кажется, что твой заместитель хочет жениться на тебе, мама?

– Если и так, какая разница? Мужик-то хороший.

В общем, этот неосуществившийся роман, несмотря на шикарную поездку, закончился для Лидии самым унижительным образом: ей дали понять, что без материнских связей она никто – для Лидии не было горшего оскорбления.

Через два года за ней стал ухаживать молодой иногородний корреспондент. Прыщавый, худенький и маленький. О его чувствах, в отличие от чувств материнского заместителя, Артем

узнал и даже им обрадовался. Лидия поняла, что внимание, проявленное по отношению к ней, тешит гордость Артема – наверное, каждому мужчине приятно, что его девушка нравится другим. Она также подумала, что зря не рассказала ему о происхождении путевки на Мальдивы, и решила исправить ошибку.

Услышав эту историю, Артем выпучил глаза.

«И ты отказала такому жениху?»

«Разумеется».

«Дура, что ли?»

«Знаешь, – сбавила она обороты, – кажется, ему больше была нужна мать».

«А что, твоя мать – такой лакомый кусок?»

«Связи, – объяснила она. – Для кого-то это важно»

И вот как мужчины ведутся на соперничество: в тот вечер у них состоялся полноценный секс.

Удивительный человек – мать. Чутье у нее было просто звериное. Постель и правда была проблемой. Первый год они спали на диванах, столах, заднем сидении машины и даже на траве в лесу, но вот потом все прекратилось и возобновлялось, может быть, раза четыре за последующие шесть лет. Вначале Артем говорил, что у него проблемы со здоровьем, а он, действительно, был слабый человек, больной сахарным диабетом и простатитом, потом вообще перестал говорить об этом. Перестала и Лидия – она не очень нуждалась в постели, любила обниматься, просто сидеть, прижавшись, а это у них было – не очень часто, но было.

Ладно. Ремонт закончится, мы останемся одни в новой спальне, он встанет на колени и протянет мне кольцо с бриллиантом. Вряд ли, конечно, с бриллиантом, он весь в долгах. Но ведь мне и не надо кольца на самом деле. Просто пусть сделает предложение.

Покрыли крышу, стали таскать вещи – без лифта, на десятый этаж – и вот уже он заказывает кухню. Лидия попыталась высказать свое мнение о цвете плитки, он отмахнулся.

Установили кухню. Ремонт закончен. В субботу новоселье.

– Во сколько? – спросила она.

Он сказал:

– Люди придут в пять, ты приезжай пораньше, поможешь.

Мать готовила весь день, поджала губы, но ничего не говорила, стрелы ядовитые не выпускала, а даже вызвала своего водителя, чтобы он довез Лидию с лоточками, кастрюльками и противнями. Она везла два пирога – один с рыбой, другой с грибами – и восемь салатов, и торт королевский из трех коржей: с маком, орехами и какао.

Квартира была бедновата, но сияла новизной. Плитка Лидии не нравилась совершенно, она решила обязательно сказать об этом, чтобы впредь он советовался. Постелила скатерть, которую привезла из дома. «Какая буржуазная вещь» – сказал Артем, разглаживая хрусткие крахмальные заломы.

– Это плохо?

– Это чудесно. Чем старше я становлюсь, тем больше хочу стать буржуа, рантье каким-нибудь. Ипотека в моем возрасте... Это как молодая жена. Вроде бодрит, а если разобраться, висит, как гиря на шее.

Зазвонили в дверь, он пошел открывать. Лидия пожалала плечами: непонятно, к чему этот выпад про молодую жену? Это про нее? Как реагировать? Оскорбляться, что висит, как гиря на шее, или радоваться, что молодая жена? Она не успела решить – гости уже входили.

И сразу зацокали языками: стол получился шикарный.

– Ах, хозяйushка! Это ж надо: какая молодежь подрастает, а? Пироги печет. Где ты таких девушек находишь в наше-то время?

– Это мама у нее золото, – засмеялся он. – Готовит – пальчики оближешь. А сказки какие рассказывает! Прямо Арина Родионовна. И все про мужей, про мужей... Лидусь, как ты у такой полигамной мамы такая моногамная получилась?

Она улыбнулась: ничего, над тещей всегда прикалываются.

Выпили за квартиру. Еще раз за квартиру. Наконец, кто-то догадался выпить за будущих детишек и молодую жену.

– Чтобы все тут засрала своими женскими вещичками? – возмутился Артем.

Мужчины засмеялись.

Ну и дальше пошло-поехало: да кто такой этот Путин? Вы что о нем думаете? А как он с «Курском» их отбрил, а? А ребятки-то как жалко, такая страшная смерть под водой! А Жорес Алферов-то наш какой молодец? И начали спорить, сколько у нас Нобелевских премий по физике. Школьный друг Артема, уже сильно пьяный, орал, брызгая слюной: «Да один Ландау! А у американцев – сто физиков!» Было ясно, что это неправда, но точных данных ни у кого не было, все долго терпели, пока двоюродный брат Артема не закричал истошно: «Да какой один Ландау?! А Бродский? А Шолохов?!». Артем засмеялся: «Дурак, что ли? Тебе про физиков говорят».

В общем, гости разошлись к двенадцати. Лидия вымыла посуду и подмела пол.

Ну вот, наступила эта минута. Семь лет ждала, с ума сойти! Зато и счастья накопилось на семь лет.

Лидия пошла в спальню и встала там у окна. Вдыхалось урывками, сердце с ритма сбилось. Она стояла и впихивала в себя куски запахов: свежих обоев, деревянной кровати из Икеи, туалетного ароматизатора из приоткрывшейся двери.

Он вошел, помешкав в проходе. Пошебуршал в коробке на полу. Встал напротив нее.

– Я отвезу тебя, – сказал. – Я специально не пил.

Будто в сердце кулаком ударили. Может, не придумала бы себе этой сцены с кольцом, не прожила ее раз пятьдесят, пока ехала, заваленная противнями, пока стол накрывала, тосты говорила, полы мыла – не так бышибануло. И еще это слово. «Специально». Такая жуткая продуманность. Что лучше не пить, когда все пьют, лишь бы она не осталась.

И в ней что-то порвалось. Так порвалось, что пустая новостройка завибрировала – потекли по бетонным перекрытиям крики Лидии. Что-то такое она говорила... Сама не осознавала, что... Вроде, плитку упомянула. И пироги вспомнила. И еще, кажется, кричала, что пора замуж, детей пора заводить – сколько можно делать вид, что они свободные?

Он слушал с возрастающим изумлением.

– Да ты белены объелась? – воскликнул, наконец. – Я разве когда обещал? Мы уже шесть лет просто дружим.

– Дру-ужим?! Ах, дружим?! Да я на тебя трачу жизнь! Я эти пироги полдня...

– Ах, пироги! – завопил он. – Я так и знал, что эти пироги встанут мне поперек горла! За один несчастный год любви я расплачиваюсь всю жизнь! Я и так все время чувствую себя обязанным! Встречаю, провожаю, приглашаю, о проблемах твоих вечно выслушиваю эти твои неинтересные рассказы! Что же еще-то?! Ты меня пирогами попрекаешь! Да подавись ты этими пирогами! – и швырнул ей в лицо противень (пустой).

Лидия поехала на дачу, гремя лотками. Всю ночь прорыдала, потом часа три красилась, чтобы скрыть пятна на лице. Но куда их спрячешь.

Увидев ее, мать выпучила глаза. Потом пожевала губами.

– Я так и думала...

– Ты не пугайся, мы напились... Я пойду отсыпаться.

Но мать перегородила дорогу.

– Ты плакала, Лидусь, я разве не вижу? И что ты к нему привязалась, он тебя вообще не стоит.

– Мамуль, башка гудит...

– Лидусь, но если видно, что бесполезно, зачем время тратить?

– А как видно? – рассвирепела она.

– Да видно! А если не видно, хотя бы спроси напрямую. И все станет ясно. Зачем прятаться от правды?

– Это я прячусь от правды? Я?!

Ее вдруг накрыл такой нестерпимый смех, что она, икая, сползла по стене на пол. Сказочница-мама, у которой что ни день, то новое чудо, эта сказочница, говорит, что Лидия прячется от правды! Лидия! Прячется от правды!

– Давно бы его уже бросила, зря время теряла, – сказала мать с сожалением, а потом поняла, наконец, что у дочери истерика, побежала за водой, за таблетками, за полотенцем.

8

В сентябре 1968 года Верка пошла учиться в техникум имени Альтшуля. Он находился в Подмоскowie – в красивой, засыпанной золотыми листьями Перловке. Ездить туда было удобно; Верка выходила из дома в семь сорок пять, на Ярославском вокзале садилась на восьмичасовую электричку и в восемь сорок уже была на месте. В девять начинались занятия.

Техникум готовил кадры для кооперации и поража́л разнообразием возможностей. Тот, кто учился здесь, мог дорасти впоследствии до приемщицы химчистки, бухгалтера автобазы, специалиста овощехранилища или даже директора кладбища. «Директор кладбища» было завиднее всего, но Верка мечтала об овощной судьбе.

С самого раннего детства Верка обожала овощи. В маленьком дагестанском городке почти все они были привозные, из своих росла только картошка, мелкая, как горох. Городок был такой жаркий и такой бедный на растительность: любой, кто имел здесь сад, считался богатым человеком. Но даже в садах городских богачей росли только фрукты, то есть древесные субстанции. Земляных субстанций почти не было. Родил здесь степной воздух и солнечный жар, земля же была солоноватая и производила только траву. Верка не любила цвет и запах дагестанской земли.

Овощи она изучала по картинкам и тайным походам на кухню, когда туда привозили запасы на зиму. Из пыльных сквозных глубин мешков вываливались грязные, почти не сладкие и совсем уж не сочные сокровища. Зато на изломе они сочились белой пеной, которая была верно угадана Веркой как эликсир сытости. И главное, они издавали слабый запах мокрого суглинка: она всегда считала его самым прекрасным запахом на земле и именно за ним, скорее всего, поехала на север.

В Москве все оказалось наоборот. Здешнего жара и воздуха не хватало для настоящих плодов, зато земля тянула из себя соки. По тайным червяным ходам они поступали в большую белую картошку, в толстую оранжевую морковь, в багровую свеклу – они делали эти плоды жирными, мучными... То ли впечатления о метро сработали, то ли котлован заводской напугал, но у Верки навсегда осталось ощущение, что Москва – это преимущественно подземный город. Что и жизнь ее внизу, и там же источник ее силы.

В Москве Веркина красота поблекла. Сошел вечный загар, лицо оказалось землистого оттенка. Верка раздалась вширь и стала сильно бугристой. Накатывали семидесятые, женщины по улицам ходили тоненькие, гибкие. Надо было следить за фигурой, а Верка ела, как сумасшедшая, и все – картошку, картошку, да хлеб с изюмом.

Одевалась она, как попало, денег на одежду не тратила. В общем-то, так и ходила в детдомовском, только надставила рукава на платье и на пальто. Впрочем, и у нее были кавалеры. Они делали авансы, а потом исчезали, узнав, что она замужем.

Переверзин как-то спросил, не собирается ли она съезжать в общежитие, ведь там, кажется, дают койку? Спрашивая, он не выглядел виноватым, он ведь взялся помочь ей лишь на первых порах, но Верка сильно обиделась. Она прикипела к его квартире и покидать ее не хотела. «Стою на очереди» – сказала она Переверзину, и он на время отстал.

В тот год пышным цветом расцвела одна Веркина особенность, которую ее недоброжелатели в техникуме называли особенностью «детдомовской». Если Верке что-то надо было, то препятствий для нее не существовало. И тем более, таких странных препятствий, как, скажем, чувство гордости. Унижение в преследовании цели ей было неведомо, унижением было только одно: цели не достичь.

Особенно ярко это проявилось в истории с Павлом.

Павел был преподавателем литературы, и она влюбилась в него с первого взгляда. Он только зашел – в свитере с высоким горлом – он только раскрыл журнал и произнес: «Ну,

господа-товарищи, на этих кукурузных полях мы посеём с вами и зерна слов» – она не поняла ничего, но само звучание непонятной фразы, вот это перекачивание камушков на влажном дне рта свело ей бедра настоящей судорогой.

В общем-то, она давно созрела, чего уж там... Южная крупная девушка девятнадцати лет, пора. Сны снились стыдные, так что она по утрам смотрела на Переверзина с настоящей ненавистью: старый задохлик, му-уж... Муж есть, а Верка – девственница. Это как? Дошло до того, что она стала жалеть, что сбежала из родного городка в ночь, а не утром. И мечтался начальник автобазы, а от воспоминания о его грубоватом тычке в плечо, когда он приказал помочь жене с чаем, у нее все внизу становилось влажным.

Павел был ровесник начальника автобазы и будь на месте Верки не Верка, то эта не Верка в такое просто не поверила бы. Павел, конечно, выглядел моложе, он жил в мире, где стареть не торопились, в отличие от начальника автобазы, который подобно другим жителям городка, старел мгновенно и с удовольствием. Их внешние различия, тем не менее, были не замечены Веркой, ведь она сама находилась еще в том возрасте, который не различает возрастов. Она не понимала разницы не только между двадцатью и тридцатью, но даже между двадцатью и пятьюдесятью. Не потому, что ей все казались одинаково старыми, нет. Она просто вообще не думала ни о времени, ни о годах.

Павел поразил ее красивой речью и меланхолией во взоре. Он был нежным, а она никогда не видела нежных мужчин. Она даже не догадывалась, что такие мужчины существуют. Появление Павла было для нее чем-то сродни появлению ангела – существа небывалого, с крыльями.

Это он стал называть ее Вероникой.

– Вероника, – ласково тянул он. – А вы знаете, Вероника, что рифма к вашему имени – ежевика. Вы черная и колючая и, наверное, кислая на вкус. А?

– Придурок, – шептала Веркина соседка. – Как таких придурков берут преподавать?

Рифмы его явно интересовали: он подбирал Верке повилику и куманику, богиню Нику и говори-ка, а как-то раз пришел грустным и сказал, что рифмой Верке отныне будет слово «маргаритка», и это, разумеется, не по правилам, но есть великие литературы, сказал он, где рифма не обязательна, в отличие от косной, морализаторской, подростковой, которую он вынужден преподавать.

Это был отголосок вчерашнего диспута с бывшими однокурсниками: один из них был поэт, опубликовавший уже несколько стихов в журнале, и что-то Павел раззавидовался...

После «маргаритки» Верка все для себя решила, и отныне у нее была только одна цель. Средства Верку не интересовали.

Началась настоящая осада. Она выучила наизусть его расписание, и теперь постоянно попадалась ему на глаза. Она поджидала его на станции, голой рукой собирая снег с бетонного ограждения – ей нравилась боль, с которой ломило замерзшую руку – потом она якобы случайно встречалась с ним взглядом, рассеянно кивала, и тут же бежала вперед, чтобы встретить его у дверей в аудиторию.

«Ой, – говорила она. – Я думала, у нас здесь лекция. Извините».

Иногда Павлу казалось, что Верок несколько – и одна всегда стоит на станции, другая всегда ошибается с аудиторией, третья ищет свободный столик в преподавательской столовой (и когда ее гонят, идет, нагнув голову), четвертая приходит к нему на занятие, пятая просто бродит по коридорам и даже проходит мимо мужского туалета, когда бы он оттуда ни выходил.

Разумеется, он быстро понял, в чем дело, и даже поразился: кто учил эту крупную блеклую девушку так неправильно очаровывать мужчин?

Но ему и льстило такое внимание. Павел был полным, невысоким, старомодным мужчиной не первой свежести. Женщины на него уже не смотрели. Зарабатывал он очень немного – не погуляешь. Жена ему изменяла, а он ее все любил, ему, наверное, хотелось как-то ото-

мстить, как-то утвердиться. Тем не менее, ему даже в голову не пришло утверждаться с помощью этой нелепой большой студентки.

«Тамерланша какая-то, – насмешливо думал он. – Но сколько страсти! А сколько слоновей грации, бывает же...»

В итоге он посуровел, стал недовольно отворачиваться, встречаясь с ней взглядом на станции, даже пару раз понизил оценку только за то, что уж слишком она его ела глазами. Ну, и этим погубил Верку окончательно.

Однажды вечером она подловила его в темном коридоре и бухнулась перед ним на колени. Он вначале ошеломлен от ужаса, потом стал отдирает ее руки, потом понял, как нелепо выглядит, в итоге выпрямился и тоскливо посмотрел по сторонам и даже наверх.

Ну что делать в такой ситуации? Смеяться, плакать? Может, появиться кто в коридоре, это было бы и лучше – уж позор так позор. Но коридор был абсолютно пуст, только мигала единственная лампочка, выделяя светлый куб вдалеке от них. Сами они стояли в полумраке, пахло паркетной мастикой, Павел подумал, что у Верки теперь будут измазаны желтым колени. Она же дрожала, захлебывалась тихими жалобами, вжималась в него в таком месте, что это место у него стало горячо набухать. И Павел вдруг понял, что единственный достойный выход из ситуации – это, как ни странно, сделать то, что она хочет.

Он оказался прав.

Безобразная унижительная сцена, могущая на десятилетия отравить и ее и его воспоминания, внезапно стала правильной, естественной и даже красивой. Они просто зашли в аудиторию, легли там между партами, и если дальнейшие их встречи оказались наполнены стыдом и несуразностями, то начало отношений оба потом вспоминали с гордостью.

Наверное, никогда в жизни Верка не была так счастлива, как в тот вечер. Стоял апрель, низкие улочки Перловки занавешивала нежная серебристая дымка. Электрички долго не было, и это тоже было хорошо.

Верка стояла, опершись спиной о бетонную стену, и глядела невидящими глазами на уходящие к горизонту пути. Как это все... Трах, бах, на полу... И ведь днем это казалось невероятным – ну как? Как?

Как? – спрашивали девушки друг друга. А вот как! Подошла, потребовала и получила, вот как. И теперь стоит посреди весенних ароматов, и гудит земля под ее ногами.

Электричка замедлила ход, распахнула двери.

Верка вошла, вагон был почти пустым, она сразу села у окна.

Павел видел, что она вошла, и решил пропустить электричку. Можно было сесть в другой вагон, но он подстраховался. Эта девушка внушала ему страх. Что же делать дальше? – думал он. Увольняться?

Отношения не на полу – не разовые – действительно, казались невозможными. Оба были женатыми, он был преподаватель, она – студентка. И главное, он категорически, почти до тошноты не любил ее. Павлу нравились маленькие и худенькие девушки, а Верка в свои девятнадцать уже была бой-бабой, ясно, что еще пара лет – и она станет огромной женщиной с усами на верхней губе. В этих гиперболизированных представлениях о будущей Верке, роившихся в голове Павла на его обратном пути в Москву, хорошо видны и его неприязнь, и его страх перед ней.

Труднее всего было прийти на первое занятие следующего дня. Он вошел буквально белый, ему было плохо с сердцем, он не выспался. Он встал в дверях, покачиваясь, и сразу же увидел ее. Она пересела на первую парту и теперь была прямо перед его столом, улыбающаяся во весь свой немаленький рот.

Вот это девушка! – с невольным восхищением подумал он. Все-таки времена были еще целомудренные, и то, что они вчера сотворили, не вписывалось в обычные рамки. И вот он не спал ночью, шатается, а она сидит, выспавшаяся, и даже глаз не опускает.

Больше они никогда не спали вместе: ни на полу, ни в кровати, никак. Павел теперь приезжал в Перловку на попутках, а выбегал из здания техникума до звонка. Выбежав, он крался к станции длинной дорогой, причем не по колее, а по обочине, в кустах. Но главное он никогда – никогда! – не оставался в помещениях техникума один.

Через полгода он уволился.

Пришедшая ему на смену преподавательница литературы с изумлением обнаружила, что у студентки Веры Беленькой нет ни одной оценки. У всех есть – а у нее пустые клеточки. Видимо, Павлу не хватило духу хотя бы раз спросить ее о чем-то.

Сбежав из техникума, Павел вздохнул свободно и даже напился в честь удачного избавления.

«Я от бабушки ушел, я от девушки ушел!» – кричал он к неудовольствию соседей по коммунальной квартире.

Он никогда и не узнал, что Верка его не ловила. В первое утро после их единственных любовных отношений на полу – так сказать, вдвойне половых отношений – она влюбилась в другого человека, и на последующие полтора года связала судьбу с ним.

9

После новоселья Лидия проспала двадцать часов, потом поела, еще проспала часа четыре, в итоге не пошла на работу ни в понедельник, ни во вторник. И тем самым дала матери необоснованные надежды.

Дело в том, что за свою работу в газете Лидия получала двенадцать тысяч рублей в месяц. Мать получала много, и им хватало за глаза, но эти двенадцать тысяч стучали в материно сердце, как пепел Клааса. Она считала, что дочечку недооценивают.

– Между прочим, все остальные получают десять, – утешала Лидия. – Я им даже не говорю, что у меня больше. Артем просил не говорить.

– Лидусь! Ты о чем? Это же издевательство. Ты на метро больше тратишь.

– Но у нас такие зарплаты.

– Так уходи.

– Куда?

– У тебя такое образование, Лидуся! Мне бы в свое время такое образование.

– И что мне с этого образования? Тема моей диссертации: «Русская журналистика 19 века».

– Вот! – радостно восклицала мать, которая любой довод умела превращать в доказательство своей правоты. – Диссертация о русской журналистике!

– Деятнадцатого века.

– Ну и что, что девятнадцатого? Как будто в девятнадцатом веке были другие буквы.

– Вообще-то были.

– Правда?

Мать была страшно изумлена.

Но в целом она не сильно настаивала. Может, боялась, что покажется, будто она попрекает дочь маленькой зарплатой, но скорее, была уверена, что Лидия сидит в газете из-за Артема. Теперь ее старый враг был повержен (это была ее версия), и уже во вторник вечером она снова завела этот разговор.

– Ты чего это наглаживаешься? Я думала, ты на работу не пойдешь.

– Как это не пойду? В нарушение Трудового кодекса?

– Тебе больше не надо сидеть в этой паршивой газете.

– Ты предлагаешь мне в честь сломанной личной жизни сломать еще и работу?

– Да, – воскликнула мать, и в ее глазах зажглось грозное веселье. – Ломать так ломать!

– Думаю, что пока достаточно сломанной личной жизни. Пока достаточно.

Мать даже пискнула от разочарования.

– Ну что ты драматизируешь? По-моему, у тебя удачное время в жизни. Дурака этого старого бросила. И работа теперь не держит. Ты уже семь лет там сидишь. Копейки получаешь.

– Ох, мамуля, – Лидия засмеялась. – Мне нравится твоя трактовка. Я бросила старого дурака. Я!

– А как? – изумилась мать. – Насколько я понимаю, ты поставила вопрос ребром. Что тебе пора замуж.

– Ну да, что-то вроде, – и утюг выпустил в воздух струю теплого пахучего пара.

– Давай о нем забудем. Давай уйдем с этой паршивой работы, где он будет тебе мозолить глаза.

– Вначале надо найти что-то, а потом уже уходить.

– А вот это заблуждение! Надо вначале уходить. Иначе как ты поймешь, что надо что-то найти?

– Мамуль, если я сейчас останусь без работы, то вообще сойду с ума.

Видимо, какая-то слабина в ее голосе все-таки прозвучала, потому что на следующий день она пошла в газету, а мать занялась поисками ее новой работы.

Надо сказать, что возможности матери были в те годы почти неограниченными. Связи, наработанные за десятилетия ее сказочной карьеры, опутывали всю Москву, как электрические провода. Это было важнее денег, притом, что могло и не приносить денег, как, скажем, не приносило их матери. Но зато в этой сети решались «настоящие вопросы» – самые настоящие вопросы, вроде условного срока вместо десяти лет строгого режима или особняка в центре, оттяпанного у одного известного театра за неуплату электричества. Вот какие вопросы решала мать по своим проводам, посылая в московский эфир короткие шифровки, иногда непонятные, как абракадабра, а иногда прямые и ясные, но звучащие как бы между прочим, в конце веселой свойской беседы о памятных совместных эпизодах. Лидия умирала со смеху, слушая эти странные разговоры, в которых все главное выдавалось за второстепенное, но воспринималось как главное. «Да, Васильич, наша русская природа – это тебе не Турляндия... Слушай, как раз по поводу природы. Тут хороший человек, верующий, по этой земле из лесного фонда хочет встретиться. У него очень интересные предложения. Он храм хочет построить, ну и еще что-то. Может, он подъедет, обсудите?»

– Мамуля! – хохотала Лидия. – Я предлагаю вам не тратить время на разговоры. Записывайте на автоответчик и прослушивайте с конца!

– Лидусь, ну что ты? – обижалась мать. – Хороший человек попросил. А в лоб я не могу, обидятся. Скажут, вспоминаешь нас только по делу.

– Как будто это не так!

– Лидусь, ты не права.

Много лет мать решала судьбу лесов, театров и судимостей, и вот теперь, наконец, получила возможность что-то порешать для дочечки. Но сеть дала сбой в самом неожиданном месте. На Лидию, ожидавшую скромной поддержки, посыпались воистину золотые предложения.

Вечером в среду, когда она пришла с работы, мысленно прокручивая в уме встречу с Артемом в коридоре, мать предложила ей возглавить крупную радиостанцию. Она, икнув, отказалась.

В четверг матери сообщили, что помогут выбить свой телеканал. Услышав об этом, Лидия побелела. Мать, увидев ее реакцию, снова вошла в сеть, и там, в сети, немного поколебавшись, предложили того, кто даст на этот телеканал денег. «Сказочное предложение» – сказала мать, поджав губы. «Мам, я не сумею. А чего-нибудь попроще нет?».

Через неделю предложили попроще: возглавить связь с общественностью комплекса жилищно-коммунального хозяйства Москвы. И сразу же первое задание: комплекс оплачивает программу на государственном телеканале. Сумма выделяется большая, каналу и тридцать процентов за глаза. На этом месте шифровка приостановилась, но ее концовка была понятна даже Лидии: приступай, осваивай бюджет, нам процентов двадцать, это по-божески.

– Мам, а нет работы журналиста?

– Лидусь, я думаю, журналистами не по благу работают, – с сомнением сказала мать. – Чего там? Зарплаты маленькие... Но я узнаю.

Журналистом? Хорошо. Из эфира прилетела продюсерская компания, которую надо возглавить, и которая согласится на кандидатуру Лидии, потому что в случае согласия компании дадут два жирных государственных заказа. «Мама!»

Наконец, в сети поняли, что Лидия – натура утонченная, и предложили на выбор: должность декана факультета журналистики либо место начальника коммерческого отдела большого вуза. В конце разговора, после отводящего глаза обсуждения подарков на грядущий юбилей главного архитектора, ну да, картина лучше всего, а еще он любит золотые монеты –

«кстати!» – намекнули, что второе место лучше, имеются большие возможности сдачи в аренду помещений.

Тут Лидии пришло в голову, что все это хорошие работы для Артема. Когда она сказала об этом матери, та побледнела.

– Вот что, дорогая, – процедила после длительной паузы. – Я больших людей побеспокоила не ради твоего старого идиота. Не хочешь менять работу, не меняй. Но скажи это прямо, чтобы я не выглядела посмешищем.

– Говорю прямо: я пока останусь в газете.

– Хорошо.

Наверное, она подумала, что Лидия продолжает цепляться за Артема. На самом деле это было не так. Если бы можно было безболезненно, тихо, постепенно отчалить к новым берегам, она бы отчалила. Но от нее требовались слишком крутые перемены. И главное, она очень боялась, что на новом месте ей будет хуже. Вдруг она не справится? Она плохой журналист и никогда не работала начальником. Нельзя требовать от человека менять свою природу.

Почему Лидия выбрала профессию журналиста? Потому что мать костями легла против профессии учителя, вот и все. Какие еще могли быть варианты для образованной девушки из хорошей семьи? Лидии казалось, что быть учителем лучше, но мать не питала иллюзий насчет женской завлекательности дочери – такая учительница, как Лидия, имела мало шансов выйти замуж. Мешали и фантомные материны боли – в Дагестанской школе единственным мужчиной был трудовик, колченогий, как табуретки, которые он заставлял сколачивать. И пятьдесят лет спустя мать была уверена, что личная жизнь Лидии, стань она учительницей, была бы обречена на брак с инвалидом войны.

Разумеется, главная мечта матери была неосуществима: Лидия категорически отказалась идти по ее стопам. Эх, какие вопросы могли быть решаемы в этом тандеме! Да и потом, позже, сложная сеть проводов, тянущаяся от матери в разные уголки страны, была бы отдана в родные руки – но Лидия не захотела, и теперь это золотое руно разойдется по небу дымом, ведь унаследовать его, не находясь в системе, нельзя.

Весь следующий вечер мать ходила непривычно задумчивая, а потом предприняла попытку объясниться.

– Лидия, я думаю, что, если твой Артем узнает о собственном телеканале, он на тебе сразу женится, – сказала она за ужином, наблюдая, как жар заливает лицо и плечи дочери.

– Мама, что ты говоришь?

– Это деловой разговор, Лидусь. Вопрос можно решать и таким способом. Я хочу обсудить разные варианты.

– А я не хочу! Понятно?

– Насколько я могу судить о нем...

– Хватит! – заорала Лидия. – Я терпела, когда мне, бездарной корреспондентке бездарной газеты, цинично предложили возглавить факультет журналистики! Теперь мне предлагают купить мужика! Ты хоть понимаешь, что это безнравственно?

Разговоры о работе прекратились. Жизнь шла по-прежнему.

Первое время Артем дулся, потом, видимо, машинально поздоровался. Она не зарыдала, не бросилась на шею, он успокоился, перестал бояться. «Дружба?» – спросил. Она пожала плечами с большим достоинством.

Теперь он здоровался всегда, а иногда подмигивал. Наконец, пригласил выпить кофейку в ресторанчике напротив. Спросил: «Ты не в обиде?» «Не в обиде». «А и хорошо, что объяснились. Я даже жалею, что раньше не догадался. Я ведь не знал, что у тебя, там, какие-то претензии. И тебе было бы легче – замуж бы вышла за этого, который богатый». «А он снова подкатывает, между прочим» – соврала Лидия. «Везет, – очень серьезно сказал Артем. – Вообще,

хорошо быть бабой. Всегда можно папика найти, и все проблемы решены». «А ты мамика найди». «Где они – мамики? Может, ориентацию сменить? А то ипотеку, боюсь, не вытяну».

Она вдруг злорадно подумала: а если предложить ему пост директора собственного телеканала – что он ответит? От этой мысли тянуло какой-то другой жизнью, словно на секунду приоткрылась дверь в параллельное пространство, и горячий сквознячок тех ветров, что там дуют, вмешался в московский воздух.

Она захлопнула эту дверь.

Так прошел год, и она уже привыкла к тому, что они с Артемом – друзья, и новое положение обставилось мелкими привычками, ритуалами, приобрело черты уюта. Но в апреле вызвали в бухгалтерию, вручили уведомление. Через два месяца газета закрывается.

В коридоре она столкнулась с Артемом.

– Знаешь уже? – сердито спросил он. – Все, кабздец. Тебе еще хорошо, у тебя жених миллионер, а мне каково? У меня ипотека.

– Никакой надежды?

– Какая, нах, надежда? У нас долги – сорок миллионов. Да и пошла она, эта газета, ненавижу.

– Да, – сказала Лидия и вдруг заплакала.

Он покосился на нее, но не приобнял, только посопел носом.

– Мне тут одно место предложили. В продюсерской компании. И платят нормально. Но я не хочу идти простым редактором. А тебе в самый раз. Фактически это то же самое, чем ты здесь занималась. Дать контакты?

Узнав новости, мать промолчала, что свидетельствовало о крайнем раздражении. Очевидно, ее обидело, что Лидия сочла предложение Артема более выгодным. Она не поняла: Артем предложил то, что нужно – по мерке. Видимо, он лучше знал Лидию, чем ее собственная мать.

10

Бывший преподаватель техникума имени Альтшуля Павел Штальман умер в 2009 году от рака легких.

«Легкого рака» – в ужасе пошутил он, когда узнал диагноз, но шутка вышла несмешной. От официального лечения Павел отказался – уж очень тоскливыми были государственные больницы – все деньги в итоге потратил на шарлатанов, потратил заодно и время. Последние месяцы жизни прошли в мучениях, что, впрочем, имело один-единственный положительный момент: страдания настолько замутили голову, что только один раз за время умирания Павел попытался вспомнить прошедшую жизнь и как-то оценить ее с точки зрения удачливости. Ему хватило сил на единственный вывод, да и тот он не смог укоренить в лишенной кислорода голове.

Никто на свете не оценил жизнь Павла: никому на свете он не был интересен. Все мечты, с которыми он вступил в жизнь, были забыты даже им самим, и некому было сопоставить их с окончанием жизни, а ведь только таким сопоставлением и можно оценивать жизнь. Впрочем, нам жаль Павла – он был хоть маленький, но человек – и мы здесь, на этих страницах можем милосердно назвать его жизнь неудачливой и тем самым хотя бы на мгновение вызвать его из небытия.

Больше всего на свете Павел мечтал написать великие стихи. Сын уборщицы, мальчик с московской окраины, он услышал волшебные звуки в восемь лет, когда прочитал у Блока: «Как под утренним сумраком чарым лик, прозрачный от страсти, красив» – ох, сколько еще невинных душ погубила блоковская дудочка...

От несуществующего в русском языке слова «чарый» заболело сердце и облило горячим грудью: слово было хоть и несуществующее, но несказанно прекрасное. Оно к тому же вместило в себя все, что вообще можно было сказать о сумраке определенного часа, места и освещения. Несуществующее слово сделало все это гораздо лучше, чем любые существующие слова. Это было чудо.

И Павлик это понял!

В следующую секунду он догадался, что обладает поэтическим слухом. Потом наступила еще одна секунда, именно она испортила Павлику жизнь. В эту злосчастную секунду он сделал вывод, что сможет писать стихи. Ошибка распространенная, о ней даже нет смысла говорить подробно.

Поэтический слух сделал его лидером школьных уроков литературы. Особенно удавались сочинения. Они были умные, тонкие, Павлик писал «афористично», вот как. Он был словно Тютчев, и это вгоняло в священный трепет одиноких учительниц литературы. Мальчику пророчили великое будущее.

И он без всяких проблем поступил в Литературный институт имени Горького.

Здесь мечта Павла вспыхнула солнечным бликом: он словно вступил в бескрайний океан и осознал, что он – рыба. У него есть жабры, есть плавник, есть хвост, а в голове у него особый прибор, знающий, как ориентироваться в синих просторах. Пора плыть, пора писать, как Бродский.

Хотя бы как Бродский.

Павел Штальман видел, что музыка сфер открыта ему с рождения, она звучит в голове так мощно и внятно, что это не может не означать избранности.

«И он возлюбил этот мир, обольстительно-невыносимый» – прочитал он в «Махабхарате»: да, все верно, я тоже так чувствую. Я не только слышу, как надо, я еще знаю, о чем надо: восторг перед миром переполняет мою душу. Теперь я овладел и формой, и содержа-

нием. Моя сердечная боль есть свидетельство обнаженных нервов гения. Я передатчик божественных откровений, и скоро передача начнется.

Но передача не началась.

Правда, его стихи напечатали в стенной газете, а одно даже победило в конкурсе журнала «Юность», это были неплохие стихи, афористичные, в них были рифмы, метафоры, ритмы и милые созвучия, но поэзии в них не было.

И он это, разумеется, слышал, ведь у него был поэтический слух.

Ужасная ситуация... Вначале понять, что океан открыт, потому что имеются жабры, имеется хвост и прибор в голове, а потом догадаться, что в этом океане нужны крылья. Или, скажем, ступни. На фига, казалось бы, рыбе ступни – а вот, пожалуйста, без них ты в этом океане никто.

Так что обнаженные нервы остались с Павлом до смерти, изо рта Павла, пока этот рот не забили глиной, вырывалась лишь благодарность, и мир казался Павлу обольстительно-невыносимым, но это никак не свидетельствовало о поэтическом таланте Павла Штальмана.

Он не написал ничего стоящего, а с окончания Литературного института вообще ничего не написал. Закончив престижный вуз, он отправился преподавать в школу, потом поработал редактором в одном техническом издательстве, потом перешел в техникум имени Альтшуля, откуда ушел очень быстро, испугавшись романа со студенткой.

Следующие двадцать лет Павел провел в районном, а потом и в окружном комитете образования. Он там был «ведущим специалистом», то есть мелким чиновником. Всю жизнь Павел прожил с одной женой, которая его не любила. Детей у них не было.

В 2008 году диагноз Павла стал ему известен, и он начал готовиться к смерти.

Вначале, правда, верил в чудо, трепыхался, пил какую-то черную смоляную гадость, купленную за огромные деньги, и ему полегчало, но потом все стало очень плохо, голову заволокла муть, и сил уже не было ни на действия, ни на мысли.

Только один раз, ранним утром за месяц до смерти, этот человек неохотно заглянул в пыльные провалы прошлого: тихонько постоял в палисаднике родительского дома, потом первый раз прочитал в потрепанной книжке без обложки: «Я проснулся на мглистом рассвете неизвестно которого дня», выпил первую бутылку водки после победы в литературном диспуте, первый раз поцеловал жену, первый раз ее ударил, пролил яростные слезы отчаянья, а потом – тихие слезы смирения, прошел босыми ногами по дорогам обычной судьбы – и неожиданно осознал, что самое яркое воспоминание его жизни – это история любви к нему одной студентки, чье имя он забыл навсегда.

Эта мысль очень удивила Павла. Будь он здоров, он, возможно, придумал бы этой мысли какое-нибудь красивое продолжение, вывел бы из мысли мораль, превратил бы ее в историю, а потом и поплакал бы над ней – как плакал когда-то над невыносимой обольстительностью мира.

Но болезнь уже съела почти весь воздух в его организме: сил не хватило. Воспоминание о крупной навязчивой девушке кануло без следа, он не стал ни развивать свое открытие, ни тем более что-то выяснять о ней, он даже имени ее не вспомнил.

И уж конечно, умирающий Павел никогда не узнал, что от любви навязчивой девушки его избавил Гитлер.

В утро, следующее за сексом на полу, Верка выехала из дома пораньше. Все в ней бурлило от новых ощущений. Она женщина! Вокруг сияет розовым светом весна, сочатся сладким соком деревья – и Верка так же сочится сладким соком, и набухает, и становится липкой, как леденец.

Она ехала в техникум и все представляла: вот Павел войдет в аудиторию, такой черно-волосый, такой большеглазый, их глаза встретятся, и они за секунду переживут вчерашнее. Переживут во всех подробностях, переживут еще слаще и как бы снова соединятся...

Как хорошо любить!

– Какой ужас, – тихо сказала женщина, сидевшая у окна, другой женщине, сидящей напротив. – Неужели это правда?

– Мой зять работает в милиции, – значительным шепотом ответила другая. – Они вчера всю ночь дежурили! И было три знака на стенах.

– Ай-я-яй!

Первая отчего-то сильно разволновалась и даже полезла в карман за валидолом.

– Да-да, – подтвердила другая, как бы намекая, что валидол – это вовремя. – Их очень много. Говорят, что у Васичевых... – Она совсем понизила голос и даже посмотрела по сторонам, а потом наклонилась поближе к своей собеседнице. – Говорят, что у Васичевых сын – из этих. И даже вроде как ихний главарь...

– Боже!

– И каждое двадцатое апреля они собираются где-то в подвале, а потом рисуют эти знаки на стенах... И знаете, как их можно отличить от обычных людей?

– ?

– Они бреют головы, – торжественно объявила другая и выпрямилась.

Наступила пауза, только дробно стучали колеса.

– Но с другой стороны, эти ведь тоже... Не сахар... Они везде... Куда ни посмотришь, особенно в искусстве. Вы титры смотрели у фильмов? Фельдман, Кацман, одни «маны»...

– И «берги».

– У меня сосед – тоже из этих «манов». Два года как в Москве – и вот уже, пожалуйста, работает в музее. Заместитель директора. Не рабочий, обратите внимание. А заместитель директора!

– Рабочий! – прыснула другая. – Где вы видели, чтобы они были рабочими? Они в музеях, в кино, какие рабочие, что вы – издеваетесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.